

АНОНС ДЛЯ КИЛЛЕРА

ЮЛИЯ
АДЕЙНИКОВА

НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ

Новые петербургские тайны

Юлия Алейникова

Анонс для киллера

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Анонс для киллера / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2018 — (Новые петербургские тайны)

ISBN 978-5-04-094094-3

На этот звонок Вика и внимания бы не обратила, подумала бы, что сообщение о завтрашнем убийстве ее мужа, известного химика, – шутка. Но звонок оказался пророческим – на следующий день Викиного мужа и правда нашли мертвым. Вот только ничего криминального в его смерти на первый взгляд нет, его просто сбила машина на загородном шоссе. Чтобы разобраться в ситуации, Вика обращается за помощью к известной Евгении Потаповой, ведущей журналистские расследования...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094094-3

© Алейникова Ю. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юлия Алейникова

Анонс для киллера

© Алейникова Ю., 2018

© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Виктория прошла по тихой, наполненной волшебством квартире. Дома было непривычно тихо и пустынно, звуки улицы, детский смех, долетающий с площадки, шум изредка проезжающей по двору машины, чириканье шустрых драчливых воробьев на большой старой березе под окнами доносились, словно из далекого далека, и только подчеркивали сонное спокойствие. Крошечные пылинки беззвучно танцевали в лучах утреннего солнца, напоминая Вике те редкие чудесные дни школьных каникул, которые она проводила в городе. В ее детстве летом город пустел, ребятня разъезжалась по лагерям и дачам, и Вика появлялась дома лишь на день-два транзитом между поездкой на юг с родителями и дачей. Это было странное, волшебное время. Квартира казалась какой-то незнакомой, очень чистой, потому что Викиных вещей почти не было в ее комнате. Старые учебники сданы в библиотеку, новые еще не получены, тетрадки убраны на антресоли или выброшены, игрушки разложены по местам, даже карандашей и рисунков не было, словно она никогда и не жила в этой квартире.

Вика умылась, прошла на кухню, сварила себе чашку ароматного кофе и, прихватив плетенку с крекером, устроилась у окошка. Ветерок, залетавший в приоткрытое окно, шевелил тонкие пряди ее волос, выбившиеся из хвостика на макушке. Вика пила кофе и счастливо щурилась от тонких лучиков солнца, пробивавшихся сквозь гибкие, похожие на русалочьи волосы ветви березы за окном, ощущая легкое, нежное скольжение теплых солнечных зайчиков по лицу.

Дремотную тишину квартиры нарушила мелодичная трель домашнего телефона, и Вика, лениво и неспешно протянув руку, взяла трубку.

– Алло? – не открывая глаза и продолжая бездумно, счастливо улыбаться, проговорила она.

– Завтра в семнадцать тридцать ваш муж будет убит, – проговорила трубка бесцветным, невыразительным голосом, словно речь шла о неоплаченной задолженности за телефонные переговоры.

– Что? – открывая глаза, переспросила Вика, но связь уже прервалась. – Ничего не понимаю, – озадаченно глядя на трубку, пожалала она плечами и снова прикрыла глаза, пытаясь вернуть состояние беззаботного блаженства, но слова незнакомца, или это была женщина, тут же отчетливо прозвучали у нее в голове.

– Завтра в семнадцать тридцать ваш муж будет убит. Это что, шутка?

«А может, это остроумный анонс нового сериала?» – насмешливо подумала Вика, но тревога ее отчего-то все усиливалась. «Завтра в семнадцать тридцать ваш муж будет убит». Глупость какая-то. Чей-то идиотский розыгрыш. Тоже мне, нашли дона мафии.

Викин муж был обыкновенным научным работником, самым рядовым, самым обычным. Впрочем, нет. Тут она не права. Олег был не самым рядовым. Он вел целый проект, у него было имя в научном мире, под него выделялись средства. Да и жили они весьма обеспеченно. Так что рядовым и обыкновенным его называть нельзя. Одернула сама себя Вика.

«Но все же. Он был не той фигурой, за которой стала бы охотиться мафия. Он работал в институте, у него имелось руководство, влиятельное, облеченное властью, распределяющее финансирование. Есть заказчики, государственные и частные. Так рассуждала Вика, и чем больше рассуждала, тем яснее понимала: звонок был либо глупой рекламой, либо шуткой. В конце концов, могли просто ошибиться номером. Да и вообще, что это за выходки в стиле Агаты Кристи. У нее даже роман был с каким-то очень подходящим случаем названием. Вика нахмурила лоб и задумалась. Ну, да, точно. «Объявлено убийство» – так он, кажется, назывался. Там какая-то старуха захотела убить свою подругу и дала объявление в газету. Вся деревня собралась к ней в гости, и она на глазах удивленной публики эту подругу убила, да

так, что никто ничего понять не смог, кроме, конечно, самой мисс Марпл. Вика в деталях вспоминала книгу, а точнее, сериал, потому как он ей запомнился лучше. Эти отвлеченные мысли помогли окончательно увериться в глупости звонка, но все же ей отчего-то захотелось позвонить Олегу. Просто так. А о телефонном звонке она даже рассказывать ему не станет.

– Алло? – раздался в трубке сосредоточенный, строгий голос мужа.

«Снова не взглянул на дисплей, так, ответил автоматически», – заметила про себя Вика.

– Привет, Олежка, это я. Чего делаешь? – проворковала она в трубку, потому что считала, что мужу будет приятнее, если она будет мягкой и ласковой.

– Работаю, – по-прежнему сосредоточенно буркнул Олег.

Вика неожиданно для себя замялась, а потом вдруг заговорила плаксивым, обиженным голосом:

– А у меня тут какой-то идиотский звонок был, позвонили и сказали: «Завтра в семнадцать тридцать ваш муж будет убит». Представляешь? И трубку повесили.

– Кто это был? – прежним сосредоточенным голосом спросил Олег. – Когда они звонили?

– Сейчас. Минут десять назад. Говорю же, понятия не имею, кто это. Сказали и трубку повесили. Говорю же, идиоты какие-то.

– Да. Точно, – подтвердил Олег. – Мне сегодня в Финляндию надо уехать дня на три.

– В Финляндию? Зачем? – «Олег ничего не говорил вчера про Финляндию. С другой стороны, может, это и лучше? В Финляндии ничего ни с кем не может случиться», – подумала Вика с облегчением. Хотя звонок и был дурацкой шуткой, пусть лучше едет. – Тебе вещи собрать? Или ты сам успеешь?

– Нет. Поеду прямо с работы. Вещей не надо. Может, я и за сутки с делами управлюсь, – озабоченно произнес муж, вероятно, по-прежнему сосредоточенный на чем-то своем.

– Ладно. Позвонишь еще до отъезда? – спросила уже совершенно успокоенная Вика.

– Обязательно, – пообещал Олег и отключился.

И что она разнервничалась? От безделья, наверное. Вон Олег вообще на этот звонок внимания не обратил.

И Вика, собрав с подоконника следы своего маленького пиршества, сменив халат на домашние брюки с футболкой, отправилась в кабинет ваять диссертацию.

– Мам, я больше не хочу, – ныла дочка Соня, сидя над тарелкой с голубцами. – Я их вообще терпеть не могу, зачем ты их только приготовила.

– Никита любит, – сдерживая раздражение, ответила Вика, подталкивая тарелку поближе к дочери.

– Он их любит, вот пусть сам и ест, – продолжала капризничать Соня, отталкивая от себя тарелку. – Почему ты всегда готовишь то, что он любит?

– Вчера у нас были твои любимые блинчики с творогом. Никита их не любит, но ел и не капризничал, – снова поддвигая к Соне тарелку, возразила Вика.

– Да, они были вкусные, а это есть невозможно! – никак не желала успокоиться восьмилетняя дочь.

К счастью, одиннадцатилетний Никита никакого участия в споре не принимал, а потихоньку играл на лежащем на коленях планшете, пользуясь тем, что мать, занятая спором с сестрой, до сих пор его не засекла.

– Соня, если ты не успокоишься и не съешь голубцы, я расскажу отцу про двойку по английскому, – использовала беспроегрешный аргумент Вика, окончательно теряя терпение.

– Папа в командировке, а потом ты забудешь, – нахально возразила дочь.

– Он завтра обещал вернуться, и в конце концов я могу ему позвонить, – сделала свой ход конем Виктория.

– Не-а. Ты сама говорила, что он зарядку от телефона дома оставил и теперь до него не дозвониться, – ехидно улыбаясь, заявила капризница.

Вика уже открыла рот, чтобы выдвинуть новый довод в пользу поедания голубцов, но тут раздался звонок в дверь, и Вика, нехотя поднявшись из-за стола, поспешила в прихожую.

За дверью стоял незнакомый мужчина, в неряшливом костюме, давно не стриженной головой, и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Пока Вика рассматривала его в глазок, мужчина поднял руку и еще раз нажал на кнопку звонка.

– Кто там? – спросила Вика, не спеша открывать двери: как он вообще попал в подъезд, у них же консьержка? «Может, из ЖЭС?» – размышляла Вика, ожидая ответа.

– Майор Суровцев, районный следственный комитет, – наклонившись к двери, пояснил мужик, и, выудив из кармана корочку, приложил ее к глазку.

Пришлось открывать.

– Здравствуйте. Кайданова Виктория Александровна? – Официально спросил представитель комитета.

– Да.

– Кайданов Олег Дмитриевич здесь проживает?

– Да, – начиная волноваться, подтвердила Вика. – Только он сейчас в командировке.

– Он вам кем приходится? – не обратив внимания на ее комментарий, продолжил майор.

– Мужем. А в чем дело? – Вика чувствовала, как на нее надвигается что-то большое и страшное, но всеми силами гнала от себя эти мысли, стараясь вообще ни о чем не думать, а только слушать майора.

– Вам нужно проехать со мной, чтобы опознать тело, – сухо зато произнес майор, но глаза его почему-то суетливо бегали по сторонам.

– Куда проехать? Какое тело? – в душе уже догадываясь, о чем пытается сказать ей майор, упрямо спрашивала Виктория. Она уже вспомнила тот самый телефонный звонок, и внутри у нее все трепетало от ужаса, но внешне она еще держалась, пытаясь убедить себя в том, что все происходящее – ошибка, что она неправильно поняла неряшливого майора и что с Олегом ничего не случилось.

– Сегодня нашими сотрудниками было найдено тело мужчины, при котором были обнаружены документы на имя Кайданова Олега Дмитриевича, тысяча девятьсот семьдесят девятого года рождения. Надо проехать опознать.

Вика прислушалась к тому, что происходит в квартире. На кухне Соня с Никитой дрались из-за планшета.

– Я сейчас, – торопливым полусшепотом проговорила Вика. – У меня там дети на кухне. Я сейчас. Вы подождите на улице. Я быстро. – Теперь она волновалась только о том, чтобы Никита с Соней ни о чем не узнали.

Майор кивнул и повернулся к лестнице. А Вика, захлопнув дверь, попыталась собраться с мыслями. Надо было что-то придумать, кто приходил, зачем и почему ей надо уйти.

– Мам? Кто там? – словно в ответ на ее мысли прокричал с кухни сын.

– Это соседка. Сегодня собрание ТСЖ, а я и забыла, – сообразила выкрутиться Вика. – Вы тут доедайте без меня, а я на часик уйду, вдруг что-то важное. Если что, звоните.

– Без проблем, – крикнул в ответ Никита.

– Мам, можно мне голубцы не есть, можно я йогурт возьму или хлопья? – выскочила в прихожую дочь.

Меньше всего Вике хотелось сейчас спорить из-за голубцов, да и за себя она сейчас не отвечала.

– Хорошо. Только молоко подогрей, не пей из холодильника.

Господи, что же надеть? Сразу черное? Нет, нет. Это вообще какая-то ошибка, Олег жив, так что и думать не о чем. Но все же достала из шкафа джинсы и черный джемпер с высоким горлом.

Не было ни железных шкафов с дверями, ни узких столов на колесах, ни обнаженных тел с биркой на ноге, прикрытых белыми простынями. Были медицинская каталка и человек, точнее тело, в костюме Олега. Лица у тела почти не было. Точнее, Вике посоветовали на него не смотреть, а постараться опознать по другим признакам.

– А что с ним случилось? – стараясь преодолеть дрожь во всем теле, спросила Вика, все еще уговаривая себя, что это ошибка, и понимая, что никакой ошибки просто нет.

Она даже не могла определить, по каким приметам узнала мужа. Просто узнала, и все. Это были его руки, часы, обручальное кольцо. Да нет. Дело даже не в часах и кольце. Просто руки были его. Загорелые, с рыжеватыми, почти незаметными волосками на запястье. С закругленными кончиками пальцев и заметными выступающими суставами. Сильные, родные, теплые, с обручальным кольцом, которое они выбирали вместе и которое она надела ему в загсе на палец, и с тех пор оно никак не хотело с него слезать и...

Вике вдруг стало трудно дышать, все закружилось, контуры предметов стали неуловимыми, будто смазанными, она взмахнула рукой и... отключилась.

Глава 2

– Они не хотят меня слушать. Говорят, это дурацкое совпадение, – сжимая в руках чашку чая, проговорила Вика.

– Ну, может, и правда совпадение? Ты же сама говорила, Олег ученый, а не криминальный авторитет, не бизнесмен, не политик. Кому могло понадобиться его убивать, да еще и предупредить заранее?

– Толя, но они в полиции сказали, что Олег погиб около половины шестого, и по телефону мне сказали то же самое! Если бы Олег не умер, это было бы глупой шуткой, а теперь? Неужели ты не понимаешь? – Вика ужасно нервничала.

Со дня смерти Олега прошел уже месяц. Страшный, тяжелый месяц, в котором все дни были словно выкрашены в черный цвет, не важно, какая погода стояла за окном, в их доме всегда было темно, холодно, бесприютно, как на ледяном промозглом ветру под затянутым грозовыми тучами небом. Соня плакала все время, Никита только ночью. Вика боялась оставлять их одних и хотела взять на работе отпуск. Но ей предложили оформить больничный, а потом еще один. Коллеги ее очень жалели, относились с пониманием и безропотно разделили между собой ее часы в аудитории.

Но тоска по Олегу была не единственной Викиной болью. После опознания тела она сразу же рассказала полиции о том самом нелепом звонке. И хотя полицейские признали, что Олег погиб примерно в половине шестого, его сбила машина на загородной трассе, никакого значения телефонному звонку они не придали. Что делал Олег на трассе, также осталось загадкой. Очевидно было лишь одно. В Финляндию он не уехал. Виновного в гибели Олега так и не нашли.

Все это вместе никак не давало Вике покоя. Она несколько раз ходила к следователю, пыталась растормошить его, заставить заняться делом мужа, но тот только отговаривался какими-то заключениями, ответами на запросы, и даже жалоба в прокуратуру не помогла.

И вот теперь, сидя с Анатолием за чашкой чая, она пыталась в очередной раз найти поддержку и понимание, найти человека, который согласится с ней и если не поможет, то хотя бы поддержит ее, потому как даже свекровь не одобряла Вику в ее упорстве. «Займись детьми, начни работать, – говорила она, – дай мертвым успокоение».

Анатолий Серебряков был лучшим другом Олега еще со школы. Работал он в банке и был человеком хоть и надежным, но весьма прагматичным, а на Викин взгляд, скучным и занудным. Виделись они с Олегом нечасто, но этот факт на их дружбу никак не влиял, и вот теперь, не найдя себе поддержки в органах защиты правопорядка, она от отчаяния обратилась к Толику, сама не зная, на что надеясь.

– Слушай, Виктория. Я не хотел тебе этого говорить, – хмуро, исподлобья взглянув на Вику, проговорил Серебряков. – Но у Олега на работе были какие-то неприятности. – Увидев, как встрепенулась Вика, он поднял предупреждающе руку, не дав ей заговорить, и продолжил: – И я даже свел его с одним человеком для консультации. Так вот, когда мы с Олегом созванивались незадолго до его гибели, он сказал, что все решилось и проблемы больше нет. Думаю, он не врал. А если принять во внимание, что жизнь Олега была проста и очевидна и, кроме работы и семьи, третьей составляющей в ней не имелось, приходится признать, что причин для его устранения не было. Ни у кого.

Визит Толика никакого облегчения Вике не принес. Никто, даже собственная свекровь, не хотел ее понять. Но Вика знала точно – Олега убили. И тот звонок не был совпадением, и в Финляндию Олег не ездил, и на шоссе оказался неизвестно как и зачем.

Был понедельник, дети ушли в школу, а она бездумно бродила по квартире. Вчерашний разговор с Толиком никак не шел у нее из головы. Оказывается, у Олега были неприятности,

причем такие, что ему понадобилась чья-то консультация. И почему она не спросила у Толика, с кем именно он свел Олега? Но факт остается фактом. Олег почему-то ничего ей не сказал, а разыгрывал полнейшее благополучие. Почему? У них всегда были открытые, доверительные отношения. Он часто делился с ней своими проблемами, и, хотя Вика мало что понимала в его химико-фармакологических исследованиях, потому что работала на кафедре культурологии в Морской академии, она с радостью его выслушивала. Почему в этот раз он промолчал? Потому что проблема была очень серьезной и он не хотел ее волновать? Ему грозило увольнение? Что-то с финансами? Но ведь за это не убивают. Он был сотрудником крупной компании, одним из нескольких сотен.

Вика не знала, что ей делать. Больше всего на свете она хотела, чтобы кто-нибудь влиятельный заставил полицию заняться расследованием гибели ее мужа. Потому что это их прямая обязанность.

Эта мысль, сформулировавшись в Викиной голове, вдруг показалась ей единственно здоровой и правильной. Надо найти человека, который надавит на следствие! И она принялась искать.

– Ну, привет, Вика Звонарева. Сто лет не видались, – плюхаясь на стул, поприветствовала подругу детства Ольга Милованова¹, сотрудница прокуратуры. – Как ты мой телефон раздобыла?

Вика не видела свою соседку по даче лет шесть, а может, и больше. Ольга, на ее взгляд, почти не изменилась. Она всегда была резковатой, немного беспардонной и напористой. Обо-жала командовать и могла заткнуть за пояс любого мальчишку. С Викой они не всегда ладили, но все же были скорее подругами, чем врагами, и, несмотря на то что Вика была на несколько лет старше Ольги, та всегда относилась к ней с высокомерной снисходительностью. Теперь Ольга занимала пост в организации, позволявшей ей полностью реализовать свои природные наклонности. И хотя Вика ожидала, что Ольга поведет себя мягче и дружелюбнее, не в ее положении сейчас было обижаться.

– И тебе привет, – улыбнулась в ответ на Ольгино приветствие Вика. – Телефон моя мама у твоей узнала. Как поживаешь?

– Нормально, – пожалала плечами Ольга. – Ты уже заказала что-нибудь? Я ужасно голодная, сегодня без обеда, надо что-нибудь пожевать, – быстрым, начальственным тоном объясняла Ольга, подтягивая к себе меню. – Мать сказала, у тебя муж умер? – тут же без всякого перехода продолжила она разговор.

– Вообще-то его убили, и полиция ничего не хочет делать, – наплевав на приличия, сразу же вывалила суть проблемы Вика. Какой смысл разводить церемонии с Ольгой, все равно не оценит.

– И чего, нужна помощь? – без обид и экивоков тут же спросила Ольга.

– Да. Ты сможешь? – глядя на подругу с надеждой, каким-то по-собачьи жалостным взглядом, спросила Виктория.

– Не знаю. Сначала надо ознакомиться с делом, потом подумать. Давай мне все данные: где, кто занимается этим делом и так далее, и свой телефон, а я дня через два тебе позвоню. – Доставая планшет, проговорила Ольга, – ты есть будешь?

Через два дня Ольга позвонила, как и обещала.

– В общем, так. Полиция этим заниматься не станет. Бесполезно. Дело закрыто. Но! – многозначительно проговорила Ольга, вставая на паузу. – Если ты уверена, что с гибелью мужа не все чисто, и хочешь расследовать это дело любой ценой...

¹ Подробнее об Ольге Миловановой можно прочесть в книге Юлии Алейниковой «Божья кара».

– У меня есть деньги, но не очень много, – поспешила сразу признаться Вика, которой предстояло теперь в одиночку тянуть двоих детей.

– Я не про деньги, – остановила ее Ольга. – Этот человек если начнет выгребать все наружу, то уже не остановится, что бы там ни выплыло. Не важно, понравится тебе это или нет.

– Мне понравится. Я согласна, – снова поспешила с заверениями Вика. – А сколько он берет?

– Нисколько. Но есть «но», – меняя тон и уже как-то спокойнее, по-дружески спросила Ольга. – Ты телик часто смотришь?

– Да нет. Когда мне его смотреть? Да и что там смотреть? Разве что новости? – растерянно проговорила Вика.

– Ясно. Значит, передачу «Потапова обвиняет» ты не видела?

– Нет, – Вика никак не могла понять, к чему клонит Ольга.

– Тогда набери в Интернете, посмотри хотя бы штуки три передачи, а когда посмотришь, позвони. Я тебе объясню остальное, – как-то загадочно велела подруга детства.

На кой Ольге понадобилось, чтобы Вика смотрела эту передачу, было неясно. Но, учитывая Ольгин характер, раз велела, значит, смысл в этом есть. И Вика пошла к ноутбуку исполнять приказ, благо время у нее было.

– Ну, как? – сдержанно спросила Ольга, когда спустя несколько часов Виктория позвонила ей с отчетом.

– Жуть! Такой беспредел! Просто слов нет. Особенно эти сволочи, которые детей у женщин отнимали, впрочем, и гинеколог тоже впечатлила. Ну, про сирот я вообще молчу, – эмоционально, от души высказалась Вика. – Только я не совсем понимаю, зачем ты велела мне эту передачу посмотреть?

– Затем, что Женька Потапова – моя лучшая подруга, – с едва уловимой, горделивой ноткой в голосе пояснила Ольга. – И если она возьмется за дело, то, во-первых, наверняка до правды доищется, она у нас как клещ, а во-вторых, обязательно покажет по телику. И результат, и всю подноготную. Вопрос. Ты к этому готова?

Вика готова не была. Точнее, она была не готова так быстро ответить на Олин вопрос. Что значит, покажет все? И что это «все»?

Глава 3

– Как-то ты изменилась, – озадаченно сведя к переносице точеные брови, проговорила Ольга.

– В смысле?

– То ли повзрослела, то ли поумнела. Точно уж и не скажу, – неуверенно пожала плечами Ольга.

Они с журналисткой Евгенией Потаповой сидели за столиком в модном дорогом ночном клубе. Встретиться именно в клубе предложила Женька. Ей хотелось повеселиться, а заодно можно и дела обсудить.

– И с каких это пор ты так полюбила по ночным клубам расхаживать? – продолжала разглядывать подругу Ольга.

– Гм. – Женька пожала голыми плечами, на которых виднелись лишь тоненькие бретельки вечернего платья, черного, блестящего, очень короткого и очень вызывающего.

Сама Женька, слегка прищурив ярко покрашенные глаза, скользящим взглядом осматривала зал, время от времени останавливаясь то на одном парне, то на другом.

– Это ты из-за Скрябина во все тяжкие ударилась? – не отставала от нее Ольга.

– Слушай, могу я повеселиться в свое удовольствие или нет? – раздраженно повернулась к ней Женька. – И вообще, что тебя не устраивает, ты же сама говорила, жить надо проще и веселее.

– Ну, да. Так я же не сказала, что мне перемены не нравятся, – тут же фыркнула Ольга. – Наоборот. Молодец, молодость дается только раз. Так и продолжай.

Но свою мысль Ольга развить до конца не успела, потому как к Женьке подошел какой-то парень с довольно противной, самовлюбленной физиономией, и она, не удостоив подругу взглядом, ускакала с ним на танцпол.

– Телезвезда, мать твою, – сердито и грубовато бросила ей вслед Ольга и принялась подыскивать себе в зале подходящего кавалера, чтобы не сидеть одной, как дуре, пока остальные развлекаются.

– Ну, так что, будешь ты с ней встречаться или нет? – на этот раз по-настоящему сердито спрашивала Ольга, приперев Женьку к стенке в дамском туалете. Время уже было далеко за полночь, а главный вопрос так и не был решен.

Женька, обычно такая спокойная, внимательная и скромная, словно с цепи сорвалась. Она без конца стреляла глазами на поражение, подцепила троих парней, каждый из которых был намерен провести с ней как минимум ночь, и Женька своим поведением их чаяния всячески поддерживала. Ольга понимала, что назревает скандал, возможно, с мордобоем, ужасно сердилась, но образумить подругу не могла. Женька в этот вечер отличалась непривычной упертой озлобленностью, словно решила провести вечер под девизом «Чем хуже, тем лучше». Одета была вызывающе, вела себя еще хуже. Не хватало только телевизионной светской хроники, чтобы запечатлеть «звездную жизнь популярной телеведущей». Наконец, устав от Женькиных выходок, Ольга почти насильно утащила ее в туалет, там прочла ей громкую, наполненную крепкими выражениями нотацию, потом вывалила ей Викину историю, из-за которой они, собственно, и встречались, и потребовала немедленного ответа.

– Ну, так что? Будешь ты этим заниматься? Или у тебя на почве разбитого сердца совершенно мозги отшибло? – почти орала Ольга.

– Во-первых, успокойся. Во-вторых, еще недавно ты сама меня призывала жить проще и к мужикам относиться потребительски. Так чем ты недовольна? – Дернула Женька голыми плечами. – А по поводу твоей знакомой – так и быть. В память о нашей давней дружбе я с ней встречусь, – капризным, не свойственным ей голосом проговорила Женька, но, поймав на себе

укоризненный Ольгин взгляд, вздохнула и уже нормальным голосом проговорила: – И вообще. Надоело мне тут, и козлы эти надоели. Поехали домой?

Женька проснулась рано. Она теперь часто просыпалась рано и сама не могла понять почему. Настроение у нее было тоскливое, такое же тоскливое, как промозглое осеннее утро за окном. Она глубоко и с удовольствием зевнула, потянулась от макушки до самых кончиков пальцев и, завернувшись в одеяло по самый нос, снова попыталась заснуть. Ничего не вышло. Придется вставать.

С тех пор как полтора месяца назад она рассталась со своим «женихом», адвокатом Скрябиным², Женьку мучили бессонница, хандра, «звездные заскоки» и еще куча всяких недугов. Она отчего-то стала заносчива, самодовольна, раздражительна, нетерпима с коллегами и очень несчастна, непонятно почему. Даже родители и Валерка стали жаловаться, что с ней совершенно невозможно общаться.

Что с ней стало не так? Володю она уже не любила. Даже скучать по нему перестала. Обида, конечно, до конца не прошла, и боль от предательства тоже. Хотя и притупилась. Но, видимо, это расставание затронуло какую-то болезненную точку в ее душе, раз она никак не может прийти в себя. И на работе, как назло, ничего интересного.

Маринка Похлебкина, ее помощница, со своей кипучей энергией взвалила на себя целый воз работы, и теперь Женьке только и остается, что ЦУ раздавать да начальственно брови хмурить. Может, встретиться с Ольгиной знакомой? Все-таки убийство, вдруг действительно что-то стоящее, ну а нет, так всегда отказаться можно. И Женька потянулась за телефоном.

Вика ужасно нервничала. Она то и дело спрашивала себя, не ошиблась ли, решившись на такой кардинальный шаг, и одобрят ли впоследствии ее решение родственники. К тому же встреча с Потаповой внушала ей опасения и сама по себе. Евгения Викторовна была известной журналисткой, к тому же ведущей скандальных разоблачительных программ, и, что ожидать от такой особы, Вике было не совсем ясно, особенно учитывая, что Потапова была лучшей Ольгиной подругой, а Ольга, даже не будучи телезвездой, характером обладала жестким, авторитарным, подавляющим. Так чего же ожидать от ее знаменитой подруги? И хотя она знала, что Потапова приедет на встречу одна, без оператора и съемочной группы, все равно навела красоту, сделал полный макияж, тщательно выбрав костюм, приготовила для чаепития парадный сервиз и продумала угощение и сервировку.

Потапова пришла точно вовремя. Заглянув в глазок, Вика от волнения даже рассмотреть ее не смогла, пока та не вошла в квартиру.

– Добрый день, Евгения Викторовна, проходите, пожалуйста. Нет-нет, не разувайтесь, – суетилась Виктория, стараясь продемонстрировать максимум светской любезности.

– Да вот еще. У вас такой порядок идеальный, а я в грязных сапогах в комнату потопая, – отмахнулась от Вики звездная журналистка, стаскивая сапоги. – Вы видели, какая там слякоть на улице?

– Проходите, Евгения Викторовна, пожалуйста, располагайтесь, – церемонно провела гостью в гостиную Вика. – Я сейчас чай подам.

– Виктория... можно без отчества? – не торопясь расположиться на диване, проговорила Потапова, останавливаясь в дверях комнаты.

– Конечно, – с отвратительной ей самой ноткой подобострастности кивнула Вика.

– У меня есть несколько конструктивных предложений. – Потапова улыбнулась дружелюбной открытой улыбкой. – Переместиться на кухню, отбросить церемонии и обращаться к друг другу по имени. Не возражаете?

² Читайте книгу Юлии Алейниковой «Враг без комплексов» (Издательство «ЭКСМО»).

Вика молча смотрела на гостью. Смысл ее речи доходил до Виктории туговато, вероятно, в силу сильнейшего психологического напряжения. Но спустя пару мгновений она очнулась и еще раз, внимательно взглянув на известную журналистку, робко улыбнулась и, кивнув, пошла на кухню.

Устроившись на удобном плетеном стуле, Женя с жалостью смотрела на суетящуюся возле стола хозяйку. И хотя Ольга предупреждала ее, что Вика девушка впечатлительная, нервная, очень закомплексованная и зажатая, реальность Женю все равно удивила. Было абсолютно ясно, что бедняга ее попросту боится, вон как руки трясутся, даже чашки с сахарницей прыгают. Как с такой дело иметь?

Наконец Вика поставила на стол фарфоровый чайник, поправила в который раз салфетки и уселась напротив гостьи.

– Ольга рассказала мне в двух словах, что случилось, – сделал для приличия несколько глотков чаю и съев одну конфету, проговорила Женя. – Но мне все равно придется задать вам несколько вопросов. А еще лучше, если вы сами расскажете мне о своем супруге, о его работе, друзьях, увлечениях и, конечно, об обстоятельствах его гибели.

Вика понемногу успокаивалась. Потапова оказалась вовсе не такой страшной и подавляющей, как она себе напридумывала. Даже одета была просто, в джинсы и свитер, и вела себя мило, воспитанно, запросто.

Вика вздохнула и окончательно расслабилась:

– Олег работал в крупном научно-исследовательском институте, занимался разработкой новых лекарственных препаратов. Он у меня химик. Был химиком, – неожиданно споткнулась Вика. – Он очень рано защитился, был доктором наук, у него имя было в научном мире, он вел целый проект. В свободное время мы просто ездили на дачу, иногда он в спортзал ходил, по утрам любил в бассейне поплавать перед работой, у нас и дети в бассейн ходят. – Она снова вздрогнула и сбилась. – Точнее, ходили, пока... В общем, никаких особых увлечений у него не было. А из друзей самым лучшим был Толя Серебряков. Это он мне про неприятности на работе рассказал.

– Попозже я запишу его координаты. И вообще, мне понадобятся все возможные контакты вашего мужа. Коллеги, пропуск в НИИ, телефоны и имена друзей, коллег и знакомых, и вам придется всем им звонить и уговаривать, чтобы они со мной встретились, – делая себе пометки в планшете, объясняла Женя. – И еще, какая у вас самой версия, кто мог убить Олега и почему, наверняка вы много об этом думали?

Реакция Виктории ее удивила. Та вдруг потупилась, покраснела и сидела, как провинившаяся школьница перед учителем.

– Честно говоря, я думала только о том, как бы убедить полицию заняться этим делом и объяснить им важность того звонка. – Она сидела, опустив голову, и теребила руками салфетку.

«Жалкое зрелище», – вдруг раздраженно подумала Женя, глядя на взрослую тетку, мать двоих детей, невразумительно лепечущую оправдания с потерянными видом. Несущую какую-то несусветную чушь. Но тут же себя одернула: что-то она стала в последнее время слишком сурова и нетерпима к окружающим. Женщина недавно мужа потеряла, а она?

– Ну, а если сейчас подумать? – подчеркнуто мягко спросила Женя.

– Не знаю даже, – неуверенно протянула Вика. – Ведь я даже не знала о том, что у Олега были неприятности. Он вел себя как всегда. И после того, как я рассказала ему о том звонке, совсем не встревожился или виду не подал. Не знаю. – Она покачала головой и, вдруг закрыв лицо руками, разрыдалась. По-настоящему, шумно, со всхлипами и подвыванием.

Женька смотрела на нее, не зная, на что решиться. Наконец встала, обошла стол и, присев рядом с Викой, обняла ее за плечи и принялась тихонько укачивать, нашептывая на ухо всякие утешительные глупости.

Постепенно Вика успокоилась, высморкалась в салфетку и посмотрела на Женьку с виноватым видом. «Видимо, такой взгляд вообще был для нее очень характерен», – решила про себя Женька.

– Извините меня, пожалуйста, наверное, напряжение накопилось, – попробовала улыбнуться Виктория. – Одной плакать странно, при детях нельзя, родителей расстраивать не хочется. Вот при вас я разревелась.

– Ничего. При мне можно, – подбодрила ее ответной улыбкой Женька.

Глава 4

– Тук-тук! Можно к вам? – заглядывая в кабинет своего давнего знакомого майора Петра Леонидовича Суровцева, спросила Женька.

– А, Евгения, заходи, – приветливо махнул рукой майор, и Женя в очередной раз порази-лась такой перемене. Еще пару месяцев назад Суровцев встречал ее дежурным вопросом «Ну, что ты за человек, Потапова?», который задавался неизменно недовольным тоном.

– А чего это, Петр Леонидович, вы мне так радуетесь? – устраиваясь возле майорского стола, подозрительно спросила Женька.

– Да ничего. Да и не радуюсь я вовсе, – принялся суетливо оправдываться майор, словно совесть его была нечиста. – Так просто поприветствовал.

– М-м. А я думала, это вы от жалости вдруг так подобрали, – сурово глядя на майора, проговорила Женька.

– Вот еще выдумала! С чего это мне тебя жалеть, – фыркнул недовольно майор, но глазки его при этом косили куда-то в сторону.

– Ну, ну. А я к вам по делу, – решила не дожимать майора Женя.

– Давай, чего там у тебя? – бодро спросил майор, но тут же опомнился и, сменив тон, проворчал в более свойственной ему манере: – В смысле, что там у тебя?

– Помните, вы женщину возили труп мужа опознавать, его на трассе за городом машина сбила, Кайданов фамилия? Помните? Месяц назад примерно.

– Ну, да. Помню что-то такое, – кивнул Суровцев без всякого интереса. – Это дело не я вел, а ребята из Курортного района.

– Вот. Адреса, телефоны, явки ваших коллег. А также имена и рекомендации. Рекомендации лично мне и сугубо положительные, – пользуясь настроением майора, потребовала Женька.

– Ну, Потапова, ты даешь, а ламбаду тебе не станцевать? – отбрасывая не свойственную ему любезность, возмущенно поинтересовался майор. – Чего тебе в этом деле понадобилось? Мужика машина сбила, и всего делов.

– Да? А что он делал на этой трассе, ваши коллеги выяснили? – язвительно спросила Женя, чувствуя, как поднимается настроение и возвращается к ней обычный боевой задор.

– Да какая разница? К бабе наверняка какой-нибудь ездил. Жене наврал про командировку, а сам к любовнице на дачу. Там поругались, вот он и оказался на трассе, хотел, наверное, автобусом уехать, – откидываясь на спинку стула, пожал плечами Суровцев.

– Да? И как зовут эту особу, где проживает? – не стала дешево покупать Женька.

– Да мне-то откуда знать? Я, что ли, дело вел? – снова рассердился майор.

– Фамилии, адреса, телефоны и рекомендации, – коротко, по-деловому велела Женя.

Майор взглянул на нее с сомнением, требуемое выдал и даже позвонил при ней в Курортный район и предупредил о визите.

– Все, пиранья ненасытная? – спросил он Женьку, едва повесив трубку.

– Все, – довольно подтвердила Женя.

– Татьяна моя тебя в гости приглашала, может, зайдешь в субботу или в воскресенье, чайку попьем, она свои кексы фирменные испечет, пирог с капустой? – снова косясь куда-то в угол, спросил майор.

– Нет, – категорически отказалась Женя. – И вообще, хватит этой унижительной благотворительности. У меня все норм. И вообще, я новое дело начинаю, так что советую поостеречься с приглашениями, – с ехидной ухмылочкой посоветовала Женя, потому как каждый раз, когда она начинала новое расследование, бедный майор, так или иначе, оказывался в него вовлеченным, и не всегда по собственной воле и с удовольствием.

– Тьфу, тьфу, тьфу, – три раза сплюнул через плечо Суровцев.

– Ну, что, встретила ты со Звонаревой? – требовательным голосом спросила Ольга, словно ожидала отчета от подчиненного.

– Да, – с трудом проговорила Женя, стараясь, чтобы речь ее звучала максимально членораздельно.

– Ты чего там мямлишь? Не поймешь тебя никак, – сердито спросила Ольга.

– Ем я, – проглотив, почти не жуя, кусок отбивной, ответила Женька. – Я только полчаса назад домой вернулась, голодная, как зверь! Села вот перекусить, тут ты звонишь.

– А что ешь? – с интересом спросила Ольга, хорошо знакомая с кулинарными талантами подруги.

– Да ничего особенного, отбивную с луком пожарила и картошку на сале со шкварками, – как ни в чем не бывало ответила Женька.

– Ничего себе, ничего особенного! – завистливо заметила подруга. – Я картошку со шкварками обожаю!

– Ну, так возьми да и пожарь, – беспечно посоветовала Женя.

– Возьми и пожарь! У меня сала нет, – ворчливо произнесла Ольга. – И вообще, я готовить не умею, да и лень мне. Знаешь, лучше я к тебе поближе перееду, – оживилась подруга. – Буду к тебе на ужины приходить!

– Дорого обойдется, – не переставая жевать, пробубнила Женька.

– Вредина. Ладно, что там с Викой, будешь ты ее историю раскрывать? – возвращаясь к делам, привычным суховатым тоном осведомилась Ольга.

– Пока не знаю. Вот завтра со следователем пообщаюсь и решу. А вообще, кроме этого звонка, в истории ничего интересного нет, а он действительно мог быть чьей-то шуткой, – без всякого энтузиазма заметила Женя.

– Ладно, держи меня в курсе. А с Викторией будь помягче, какая-то она неприкаянная, даже мне ее жалко стало, – неохотно проговорила Ольга, словно стесняясь своего милосердного порыва, но Женька ничуть этому не удивилась, потому как прекрасно знала подругу. И то, что грубоватые манеры, и жесткий характер были не основными чертами характера Оли Миловой, а просто неотъемлемой частью ее натуры, наиболее заметной для окружающих.

Свидетелей аварии найти не удалось. Любовницу Олега Кайданова найти тоже не удалось.

– А что вы хотите? О таких делах направо и налево не рассказывают, – пожал плечами следователь, закрывший дело. – А у нее тоже, наверное, муж есть, зачем ей светиться? Ну, погуляли на даче, потом, видно, в город поехали, по дороге поссорились. Мадам его из машины высадила, мол, сам дальше добираться, и уехала, а Кайданов остался машину ловить. Тут его и сбили.

– Так просто? Нашли труп, сочинили историю и закрыли дело? Ни фактов, ни доказательств, – чувствуя, как закипает от ярости, спросила Женя.

Как она ненавидела эти равнодушные казенные лица с зачерствелыми, как позавчерашняя горбушка, сердцами. Для них не существовало живых людей, они не понимали чужой боли, не жалели осиротевших детей, им наплевать было на родителей, хоронивших детей. Все, что их волновало – собственный уютный комфорт и довольство. И каждый раз, сталкиваясь с подобными типами, Женя не могла удержаться и принималась за расследование. Во многом ради того, чтобы доказать их профессиональную некомпетентность, выставить перед народом, а главное – перед собственным начальством в должном свете.

Вот и сейчас, покидая кабинет следователя Шашкина, Женя чувствовала горячее неудержимое желание выставить его перед всей страной, ну, хотя бы перед всем городом в истинном свете. Пустить в эфире их сегодняшний разговор, потом интервью, в котором он будет выворачиваться, объясняя собственное попустительское, и профессиональную беспомощность, и

наплевательское отношение к делу, а затем уже результаты собственного расследования. Главное – это чтобы расследование было успешным. Но уж она, Женька, постарается.

Но чем дальше отъезжала Женя от Курортного отдела, тем больше сомнений возникало в ее голове. А вдруг этот противный следователь прав? Его рассказ звучал весьма логично, хотя и не имел доказательств. А вот предположение Виктории о преднамеренном убийстве было скорее фантастическое и также не имело никаких доказательств.

К тому же, по признанию самой Виктории, у ее супруга в последнее время появились секреты. И его поездка в Финляндию, такая срочная и отчего-то не состоявшаяся, и смерть на трассе под Петербургом, и неприятности на работе, которыми он делился со своим другом, кстати, еще неизвестно, были ли эти неприятности связаны с работой. Все это давало весомые поводы усомниться в предположении Вики. И все-таки именно теперь Жене стало по-настоящему интересно.

Женька взглянула на часы. Времени было лишь половина второго, машин на шоссе мало, и если ей повезет, то она сможет быть в центре города примерно через час, а именно в центре города, по словам Виктории, располагался офис Анатолия Серебрякова.

Женька потянулась за планшетом, чтобы посмотреть телефон лучшего друга Олега Кайданова, и на секунду отвлеклась от трассы. А в следующую секунду с белым от испуга лицом вцепилась в руль и полными ужаса глазами уставилась на дорогу. Мимо, словно черный летящий снаряд, пронесся черный затонированный «Шевроле Тахо», он проскочил так близко от Жениной машины и на такой сумасшедшей скорости, что едва не сдул в канаву маленькую Женину «Судзуки». Во всяком случае, тряхнуло ее так, что она едва головой о руль не ударилась, спасибо ремням безопасности. И откуда только он взялся, еще секунду назад никого в зеркале заднего вида не наблюдалось.

– Идиот! Кретин! Придурок! – пытаюсь прийти в себя, выкрикнула вслед скрывшемуся за поворотом джипу Женя.

«Наверняка какой-нибудь чиновник, или депутат, или тот же гибэдэдэшник, – зло думала она, больше ни на что не отвлекаясь и внимательно следя за дорогой.

«Такому человека сбить как нечего делать. И самое отвратительное, что ничего ему за это не будет», – пыхтела Женька.

А может, так оно и было с Олегом. И следователь точно знает, что Олега именно сбили, и даже знает, кто это сделал, потому и закрыл дело? Женя задумалась. Такое вполне вероятно. Курортное направление – одно из самых элитных, и кто тут только не проживает. Вопрос в другом: а сможет Женя раскрутить эту историю? Хватит у нее силенок, чтобы вытащить на свет божий эту историю? Особенно если в ней замешан какой-нибудь высокопоставленный чиновник.

А почему бы и нет? У каждого влиятельного человека есть недоброжелатели, готовые подставить подножку, есть конкуренты, а значит, можно будет найти подходящего покровителя, который наизнанку вывернется, лишь бы подставить провинившегося. Главное – действовать осторожно.

Впереди маячила парковка торгового комплекса, и Женя, чтобы не рисковать, свернула с трассы и только тогда взялась за планшет.

– Анатолий Сергеевич, добрый день! Меня зовут Евгения Потапова, я звоню вам по просьбе Виктории Кайдановой, надеюсь, она вас предупредила о моем звонке?

– Здравствуйте, – сдержанным, недовольным тоном проговорил собеседник. – Да, она звонила. Но признаться, я не одобряю ее затею и не вижу смысла в нашей встрече.

– То есть вы отказываетесь оказать ей эту услугу? – готовая к подобной реакции, уточнила Женя, заведомо предполагая, что после такой формулировки Серебряков будет просто вынужден с ней встретиться.

– Этого я не говорил. Но привлекать к такому делу телевизионщиков... – Свою мысль он оставил незаконченной и, недовольно вздохнув, произнес: – Я смогу уделить вам не больше получаса. Приезжайте к шестнадцати часам и не опаздывайте. В шестнадцать тридцать я уеду, – распорядился он в весьма оскорбительной, на Женин взгляд, манере.

Но она смолчала, лишь пообещала быть вовремя.

«Ничего. Мы потерпим, а потом посмотрим, кто кому условия диктовать будет», – в очередной раз с мстительной раздраженностью подумала Женя. И снова поймала себя на мысли, что стала какой-то чересчур злобной, просто фурия какая-то, а не девушка.

Женька несколько раз глубоко вдохнула, улыбнулась милой, кроткой улыбкой и взглянула на окружающий ее прекрасный мир.

Обретя таким образом гармонию с собою и всем миром, она завела машину и двинулась в город встречаться со строптивым другом покойного.

Лицо Анатолия Сергеевича выражало крайнюю степень недовольства. Он словно через силу заставил себя поздороваться с вошедшей и молча, преодолевая отвращение, кивнул ей на кресло. Присаживайтесь, мол.

– Итак, что вы от меня хотите? – демонстративно поглядывая на часы, спросил хозяин кабинета. Его упитанное лицо с глубокими носогубными складками навевало воспоминания о шарпее, впечатление усиливали скривившиеся коромыслом губы и вздернутый, короткий нос. Да и масти он был подходящей, рыжевато-бурой.

Рассматривала его Женя столь же недовольным взглядом, не торопясь начать разговор.

– Вы будете говорить? – наконец, не выдержав паузы, поторопил ее Серебряков.

– Ах да. Конечно, – словно опомнившись, проговорила Женя. – Простите. Задумалась, день очень тяжелый выдался, и голова побаливает, давление, что ли, – по-дружески поделилась Женя.

Лицо «шарпея» смягчилось.

– Да, у меня, признаться, тоже после обеда голова побаливает, – произнес он, косясь на Женю чуть смущенным взглядом. – Может, по кофе?

– С удовольствием, – искренне откликнулась Женя.

За кофе беседа приняла более душевный характер.

– Вы извините меня. Возможно, я слишком жестко вас сегодня встретил, – делая очередной глоток и счастливо жмурясь, проговорил Анатолий Сергеевич, – но я действительно не понимаю, зачем Вика все это затеяла.

– Она просто не верит, что смерть Олега была случайна, – пожала плечами Женя. – У меня на этот счет пока твердого мнения не сложилось, и я еще не решила, буду ли продолжать расследование. Но могу с уверенностью сказать, что в полицейской версии очень много домыслов и очень мало фактов. Именно поэтому мне было так важно с вами побеседовать. Виктория – женщина, к тому же убитая горем. Она в принципе не может быть объективна, другое дело – вы, – простодушно и очевидно льстила Женя и в очередной раз, с изумлением убеждаясь, как дешево и примитивно ловятся мужики на древние, как мир, женские хитрости. – Вы серьезный деловой человек, здравый, рассудительный, обладающий незаурядными аналитическими способностями, а иначе бы не занимали такой высокий пост, к тому же лучший друг Олега, кому же, если не вам, лучше всех представлять ситуацию?

– Да, действительно. Вероятно, вы правы. Мне не стоило так кипятиться, – бросая на Женю самодовольные взгляды из-под строго нахмуренных бровей, солидно прогудел Серебряков. – Так что же именно вас интересует?

– Ну, прежде всего неприятности, которые были у покойного на работе. Хотелось бы понять, в чем там суть, – отставляя от себя чашечку, произнесла Женя.

– Гм. Неприятности действительно были, – кивнул Серебряков. – А у кого их не бывает?

Женя согласно кивнула.

– Олег вел в институте какой-то проект, я, если честно, и сам не совсем в курсе. Он говорил что-то в общих чертах, да я, признаться, не особо слушал, все равно в их химии ничего не смылю, – словно желая оправдаться, пояснил Анатолий Сергеевич.

Женя снова одобрительно кивнула.

– В общем, суть была в том, что начальство настаивало на представлении заказчику несколько подработанных результатов. Олег отказался, на него стали давить. И, кажется, даже обвинили в финансовых махинациях. Олег говорил, что его вызывали в прокуратуру на допрос. Это было странно, потому что его прямое начальство ни объяснительных, ни отчетов от него не требовало. Олег занервничал и спросил, нет ли у меня знакомого влиятельного человека из серьезных органов. Точнее, он знал, что у меня приятель университетский в определенные структуры на работу подался.

– В какие структуры? – заинтересованно уточнила Женька.

– В ФСБ. Если такие организации позволено упоминать все, – пугливо оглянулся на дверь Серебряков.

– Ничего себе. И вы считаете, что у вашего приятеля были мелкие неприятности? – чуть не присвистнула вслух Женя.

– Да нет. Просто спустя пару недель я спросил у Олега, как дела. Он сказал, все рассосалось, – пояснил Серебряков. – То ли мой приятель звякнул куда нужно, то ли Олег перестал осла из себя изображать. Он у нас с детства пионерской принципиальностью отличался. Пионерия развалилась, а он со своими замашками в капитализм перебрался, – чуть иронично заметил хозяин кабинета. – Не любил, знаете ли, компромиссов. Удивляюсь, как он с таким характером умудрился карьеру построить. У них в научном мире тоже, знаете ли, свои правила и приемы имеются, – не без некоторого ехидства заметил Анатолий Сергеевич.

Жене отчего-то показалось, что сам Серебряков имел весьма гибкую совесть и покладистый, до беспринципности нрав и отчего-то завидовал принципиальности покойного друга. Прогибали его, что ли, часто? Но комментировать она свои догадки никак не стала, а сосредоточилась исключительно на деле.

– Анатолий Сергеевич, а я могу поговорить с этим вашим приятелем из... – Женя решила не нервировать впечатлительного Серебрякова и просто таинственно мотнула головой куда-то в неопределенные сферы.

– Ну что вы! – замахал на нее руками Серебряков. – Он даже разговаривать с вами не станет. Да я и беспокоить его не буду.

– Ну, хорошо, – решила не упорствовать Женя. – А вы не помните, кто именно из руководства пытался надавить на вашего друга?

– Речь шла о ком-то на самом верху. Олег фамилий не называл, но я так понял, речь идет либо о директоре, либо об одном из его заместителей, а может, и обо всех сразу.

«Очень полезные и конкретные сведения», – недовольно заметила про себя Женя.

Она уже поняла, что господин Серебряков жизнью и проблемами лучшего друга не особо заморачивался, толком ничего не знал и знать не стремился. По принципу «меньше знаешь – лучше спишь». Да, каждый может мечтать о ТАКОМ друге! Но вслух она опять-таки ничего не озвучила.

– Анатолий Сергеевич, мне в полиции совершенно определенно сообщили, что у Олега была любовница. Я, естественно, не стала обсуждать эту тему с Викторией и в дальнейшем не буду, но вы, случайно, не знаете, кто это? Вдруг она сможет чем-то помочь? – Лицо Жени выражало доверительное понимание жизни. Мол, все мы люди, и все нам не чуждо, и не такой уж это и грех. Ей отчего-то показалось, что такая позиция должна импонировать обладателю гибкой совести.

Увы.

– Ничего об этом не знаю, – развел руками Анатолий Сергеевич. – Олежка о таких вещах никогда не любил распространяться. Если что и было, уверен, ни одна живая душа не догадывалась. Если только сама дамочка не проболталась. Хотя могу сказать, был я однажды на их конференции, наш банк на ней предлагал свой новый продукт, так вот, были там вполне приличные экземпляры, – с видом знатока покивал Серебряков, и лицо его в это время обрело отвратительно сластолюбивое выражение, только что слюна не закапала. И настолько он вдохновился воспоминаниями, что даже на Женю бросил неприятный ощупывающий взгляд.

Глядя на «лучшего друга», Женя почувствовала столь сильную неприязнь к этому субъекту, что с трудом совладала с собой, удержавшись от комментария. Интересно, что представлял собой сам покойный, коли имел таких друзей? Но, судя по замечаниям самого Серебрякова, общего в характере друзей было немного.

– Скажите, а как вы познакомились с Олегом и подружились? – позволила себе проявить праздный интерес Женя.

– Ой, да мы с ним лет сто знакомы! – махнул пухлой, украшенной перстнем рукой Серебряков. – Мы с ним в соседних подъездах жили, в один детсад ходили, в одну школу, мамыши наши дружили, так что наша дружба, можно сказать, была предрешена с самого начала, – самодовольно захихикал Анатолий Сергеевич.

– Оно и видно, – не разделив его веселости, буркнула про себя Женя, но распрощаться с ним предпочла на дружеской ноте, всячески демонстрируя искреннюю симпатию. А вдруг еще пригодится?

Едва за журналисткой закрылась дверь, Анатолий Сергеевич любезное легкомыслие тут же утратил. А опустив на руку массивный изборожденный складками лоб, задумался.

Девушка ему сколько-нибудь опасной не показалась. Да и какая опасность может ему грозить по большому счету? Так, мелкие неприятности, связанные с глупой попыткой Виктории заинтересовать телевизионщиков смертью Олега. Да и это, собственно, не имеет значения, лишь бы его имя никак не упоминалось, а это, вероятно, несложно устроить, надо будет с юристами посоветоваться. Да и вообще, вряд ли из этой затеи что-то стоящее выйдет.

Вика всегда была суетливой беспомощной курицей, что в ней Олег нашел? Анатолий этого никогда понять не мог. Внешность средненькая, мордашка так себе, пройдешь не заметишь. Супруга самого Анатолия Сергеевича, точнее, вторая его супруга, выглядела не в пример эффектнее. И он с удовольствием скосил взгляд на стройную брюнетку, изогнувшуюся на фоне моря, взирающую с яркой фотографии в изящной рамке.

Да, Вика с ней ни в какое сравнение не идет. А вот журналисточка вполне ничего, хотя и мелковата. Зато знаменитость. Анатолий Сергеевич припомнил свою недавнюю гостью и пришел к выводу, что в миниатюрных женщинах тоже что-то есть. И хотя одета она была строго и выглядеть пыталась этакой деловой неприступной фифой, но юбочка-то коленок не прикрывала, да и взгляды она на него бросала вполне определенные, так что при желании вполне можно было бы закрутить. Тем более Элка сейчас с Семой и няней на море отдыхают.

Анатолий Сергеевич откинулся на спинку кресла, закинул обутые в дорогие итальянские ботинки ноги на боковую тумбочку рабочего стола и, достав из ящика сигару и маленькую бутылочку коньяку, позволил себе немного расслабиться, поскольку никаких важных дел на сегодня у него запланировано больше не было. Рабочий день клонился к концу, а про важную поездку он журналистке просто наврал, для солидности.

Глава 5

Разговор с Серебряковым никакой ясности в историю гибели Олега Кайданова не внес. Единственно, что стало абсолютно ясно, неприятности на работе у Олега имелись, и немалые. Рассосались они или нет, вопрос оставался открытым.

Женька валялась дома на диване, от скуки переключая телеканалы и размышляя, какие шаги ей стоит предпринять, когда позвонила мама:

– Привет, Женечка! Как дела?

– Привет, нормально, как вы? – без особого интереса и энтузиазма спросила Женька. Созванивались они почти каждый день, а потому сногсшибательных новостей она не ожидала.

– Тоже хорошо, – заверила мама. – Женечка, ты уже решила, как будешь праздновать день рождения и что тебе подарить?

– Да нет еще. Потом что-нибудь придумаю, – пожала лениво плечами Женя, заинтересовавшись сюжетом о качестве косметики.

– Женечка, но день рождения уже на следующей неделе, – не дала ей погрузиться в сюжет мама. – Ты хоть с подарком определись, да и Платон просил узнать, чего тебе хочется, и Валера хотел на твой праздник попасть, а если ты захочешь на буднях отмечать, его надо заранее из детдома отпросить.

Валера Коростылев был сиротой, жил в детском доме, было ему двенадцать лет, и Женины родители готовились его усыновить. Чему способствовал сам предприимчивый Валерка. Который не на словах, а на деле претворял в жизнь девиз «Каждый сам кузнец своего счастья»³.

– Нет уж. Пусть учится. Отмечать буду в субботу. В конце концов, это не его день рождения, нечего школу прогуливать, – категорично заявила Женя, вдруг решив разыграть строгую мамашу.

– В субботу так в субботу, – покладисто согласилась мама. – Может, тогда у нас отпразднуем? Я стол накрою, твой любимый пирог с селедкой испеку. Ты же много гостей звать не планируешь? – продолжала заботливо ворковать мама. Но у Жени каждое слово отчего-то вызывало глухое беспричинное раздражение и страстное желание сделать все назло. Раньше за ней такого не водилось. Обычно она предпочитала тихо, бесконфликтно ускользать от родительской опеки.

«Может, Скрыбин в этих переменах и не виноват, просто это звездная болезнь начинается?» – подумала Женька, не теряя градуса раздражения, и, едва мама замолчала, тут же заявила:

– Нет, праздновать я буду в ресторане, пока не решила, в каком именно, и, возможно, что народу будет человек пятьдесят, – брякнула Женька, хотя никогда в жизни не любила подобные сборища и считала их пустой тратой денег, не приносящей ровно никакого удовольствия.

– Женечка, но это же так дорого! – ужаснулась, словно в ответ на ее мысли, мама. – Где мы столько денег возьмем?

– Не «мы», а я, – заносчиво возразила Женя. – И вообще, это мой день рождения, вы на нем просто гости, так что не стоит волноваться. Просто ждите приглашения со временем и адресом, – прозвучало это немного грубо и даже как-то оскорбительно, и Женя тут же постаралась сгладить собственную резкость: – Мам, не переживай. Есть вариант, что часть праздника оплатит редакция. А ты будешь отдыхать и веселиться, как и все остальные гости.

– А что же насчет подарка? – не стала дальше спорить мама, но по ее голосу было ясно, что она немного обиделась.

³ Книга Юлии Алейниковой «Золотые младенцы».

– Не знаю, мам, пока не придумала. Можно, я попозже скажу? – На самом деле единственное, чего Жене хотелось по-настоящему, это собственная квартира. Пусть даже эта самая, в стареньком флигеле. Лишь бы ее собственная и чтобы она наконец-то могла сделать в ней ремонт. Но такой подарок родители сделать ей не могли. А ничего другого почему-то Жене не хотелось.

– А как же Платон? – заботливо спросила мама, обожавшая Жениного покладистого кавалера и возлагавшая на него большие надежды. Она искренне верила, что рано или поздно Жене надоест дурить и она наконец оценит его по достоинству. Точнее, по достоинствам, коих у Платона имелось великое множество. И он отведет журналистку Потапову к алтарю, а потом они нарожают детишек и будут жить долго и счастливо.

Честно говоря, Женя и сама иногда рассматривала такой жизненный сценарий, только все время откладывала его осуществление на неопределенный срок.

– А Платону передай, пусть сам что-нибудь придумает. Я люблю сюрпризы, – сворачивая разговор, посоветовала Женя и, когда мама отключилась, была вынуждена всерьез задуматься, как ей быть с днем рождения и где брать деньги на ресторан. Поскольку сама она все еще выплачивала кредит за машину и лишних средств у нее не предвиделось. Не брать же еще один кредит из-за такой глупости, в самом деле?

«Вот если бы можно было какую-нибудь халтуру найти», – размечталась Женя.

– Евгения, ты совсем совесть потеряла? – раздался в трубке требовательный, недовольный голос. – Ты когда последний раз на работе была?

– Позавчера, кажется? – неуверенным расслабленным голосом ответила Женя, которую звонок начальства застал врасплох.

– Позавчера? – с ноткой угрозы в голосе переспросил Тенгиз Карпович Трупп, главред Женькиного канала. – А зарплату ты планируешь получать в полном объеме или по количеству трудодней?

– В полном объеме, – твердо ответила Женька и даже мечтательно добавила: – И вообще, хорошо бы ее повисить.

– Слушай, Потапова, ты что, совсем страх и совесть потеряла? – обалдел от такой наглости Трупп. – Ты кем себя возомнила, звезда хренова? Ты что, забыла, кому ты всем обязана? – все больше ярился эмоциональный Тенгиз Карпович. – Ты, Потапова... – пыхтел он, не находя слов. – Я, Потапова... Я тебя породил! Я тебя и...

– Солью, – помогла ему закончить мысль Женя. – Тенгиз Карпович, мне стыдно вас слушать! После всего того, что я сделала для родного канала! После того, как рейтинг вашего заграпезного мертворожденного телепроекта взлетел до небес, после скандала с привлечением иностранных диппредставительств, после которого и месяца не прошло, по которому страсти еще не улеглись, ВЫ грозитесь МНЕ!.. Нет, от подобной черной неблагодарности, даже небеса содрогнутся! – самозабвенно вещала Женя, не уступавшая в патетике и эмоциональном накале Тенгизу Карповичу.

– Никто тебя былых заслуг и не лишает, – мгновенно успокаиваясь, произнес Трупп. – Я тебе про день сегодняшней толкую. И вообще, я по делу звоню, – деловитым, собранным, напрочь лишенным недавних клокочущих эмоций тоном, как ни в чем не бывало, продолжил Трупп. – Тебя тут второй день подряд спонсоры ищут, хотят интересный проект предложить. Причем, заметь, именно тебе, и обрати внимание, я лично их выбор целиком и полностью поддержал.

– А что за проект? – заинтересовалась Женя, услышав волшебное для каждого сотрудника их телеканала слово «спонсоры».

– А вот явишься на работу и все узнаешь, – бросил ей в ответ зловредный Трупп и повесил трубку.

Пришлось тащиться на работу.

Хотя, говоря по совести, ехать туда Женя и так собиралась. Все же, как бы ни надрывалась за двоих Маринка Похлебкина, принимать решения по собранным ею материалам, подготовленным интервью и спискам гостей придется Жене, и отвечать за решения тоже ей. Пришлось дело Олега Кайданова на время отложить.

– Вот, Тенгиз Карпович, материалы по ближайшей передаче. – По-барски развалившись в кресле, Женя подкинула шефу папку с предварительными набросками.

– Тобою подготовленные, – едва заметно приподняв широкую косматую бровь, с чуть заметной иронией отметил Трупп.

– Вы намекаете, что вами? – прикинулась дурочкой Женя, привыкшая не пасовать перед начальством.

Трупп лишь укоризненно взглянул на нее поверх очков:

– Итак, Потапова. Спонсоры хотят, чтобы ты снялась в рекламном ролике их продукта. Естественно, не бесплатно, – отодвигая ее папку, произнес Тенгиз Карпович.

– Сколько? – забыв о приличиях, быстро спросила Женя, наваливаясь грудью на стол.

«Вот она халтура! Вот они денежки!» – радовалась она, только что ладошки не потирала.

– И это все, что тебя волнует? – с укоризной спросил Тенгиз Карпович.

– А что? – насторожилась Женька. Обычно Тенгиза Карповича и самого, кроме денег, ничто другое не тревожило. В чем подвох?

– Ничего, Потапова, кроме того, что рекламный ролик будет крутиться на всех ведущих каналах, а следовательно, служить дополнительной рекламой нашей с тобой телевизионной продукции, – наставительно произнес Трупп.

– И что тут плохого? – все еще настороженно уточнила Женька.

– Плохо, Потапова, что ты в первую очередь о своей мощне печешься, а не об общих нуждах и интересах, – едва не прослезившись, пояснил Трупп, в котором проснулись его эмоциональные украинские предки.

– Ясно, – кивнула Женя, успокаиваясь. – А что за продукт мы будем рекламировать?

– Таблетки от запора, – небрежно бросил Трупп, с интересом углубляясь в принесенную Женей папку.

– Что? – переспросила автоматически Женя, уже видя, как ее «легкие денежки» в прямом смысле уплывают в недра канализации вместе с чудотворным продуктом спонсоров.

– Слабительное, – бесцветным голосом пояснил Трупп. – Повертишь перед камерой пачку, расскажешь о продукте...

– ...спустишь воду, наденешь штаны и пойдешь в бухгалтерию получать зарплату, – злым голосом закончила Женька.

– Семьдесят пять тысяч за клип, – словно не услышав ее, закончил свою речь Трупп.

– Сколько?

– Семьдесят пять.

Женя поджала губы и шумно втянула носом воздух. Семьдесят пять. Можно шикарный день рождения устроить, и еще останется. А можно норковую шубу купить. А можно...

– На унитазе сидеть не буду. И запор изображать тоже, – строго сказала она.

– А никто и не просит, – откладывая папку, радостно сообщил Трупп.

Остаток дня Женя провела в редакции, просматривая материалы для предстоящей передачи, раздавая задания, как-никак «Большой Босс». Потом по редакции расползлись слухи о рекламе слабительного, и Женя подверглась атаке местных хохмачей, затем приехали представители спонсоров и долго торговались с Женей по поводу сюжета будущего клипа. Версия, устраивавшая Женю, категорически не устраивала заказчиков, и наоборот.

– Несварение желудка – болезнь вне возраста, поэтому вас и наняли, чтобы обратиться к молодой аудитории, – вещал заказчик. – И ваши предрассудки мне непонятны. Молодое поколение лишено всяческих комплексов, и вам надо отбросить эту неуместную стыдливость. Все естественное не чуждо. В смысле не стыдно.

– Ну, так сами и сидите на унитазе перед камерой, – сложив на груди руки и сверкая глазами, возражала Женя.

– Я лицо непубличное, мое сидение никому не интересно, – возражал стручок в очках, нервно постукивая по столу костяшками пальцев.

– А я – лицо публичное, и меня в городе знают как серьезную журналистку, – не сдавалась Женя. – И хочу вам напомнить, что меня еще никто не нанимал, поскольку я еще никаких согласий на съемки не давала, – гордо бросила она худосочному, желтушному типу, очевидно, самому страдающему несварением желудка и регулярными запорами.

– Что, значит, не подписывали? Руководство вашего канала подписывало и приняло на себя вполне определенные обязательства, – доставая из портфеля синюю папку, потряс ею перед собравшимися заказчик.

– Что сделало руководство? – наливаясь пурпуром и жадой мести, обернулась к Труппу Женя.

До смертоубийства дело не дошло. После многочасовой баталии каждая из сторон покинула поле боя с твердой уверенностью, что хотя всего получить не удалось, но все возможное из противника они выжали, и в целом каждый остался доволен.

Заказчик – сюжетом, Женька – гонораром, а Трупп – скрытой рекламой канала.

Глава 6

Женя сидела дома за компьютером и искала новые рецензии и отзывы на свои передачи: подобное времяпрепровождение ее весьма бодрило. Особенно она нуждалась в подобной положительной энергетической подпитке сегодня после битвы с производителями слабительного. И хотя она редко могла отыскать в Интернете положительные отзывы коллег, но уж зато горячих поклонников среди зрителей у Жени имелось множество, и все они без ложного стеснения выражали ей свои симпатии.

Женя с довольной улыбкой читала очередной отзыв, оставленный на форуме некоей Инной Федоровной, когда ей в голову совершенно без всякой связи с происходящим вдруг пришла мысль. А что сказал на работе Олег Кайданов, собираясь в «командировку в Финляндию». Ведь должен он был как-то объяснить свое отсутствие на работе.

Женя откинулась на спинку кресла и задумалась. Мысль оказалась глубокой и весьма интересной.

Ведь если Олег реально собирался в командировку, то история его появления на трассе под Петербургом в тот день, когда он должен был быть в Финляндии, требует отдельного расследования. Если поездка в Финляндию была выдумана для жены, он либо должен был взять больничный, либо отпуск за свой счет, либо с утра как ни в чем не бывало появиться на службе, а вечером вместо жены отправиться к любовнице. Но тогда опять-таки неясно, как он оказался на шоссе в половине шестого вечера, да еще и по направлению к городу? Не рановато ли?

И тут Женю осенила еще одна дикая, но нерядовая мысль. А что, если звонок домой жене был хитрым конспиративным ходом? Звонила любовница и таким образом сообщала Олегу о времени и дате свидания! А жена сама должна была передать информацию мужу! Вот он, верх цинизма, вот они, современные нравы!

После расставания со Скрябиным подобные истории как-то особенно грели Женино сердце, вызывая живой отклик в ее душе.

Потому-то Кайданов и отреагировал так спокойно на рассказ жены о странной нелепой угрозе, он просто тут же вывалил заранее подготовленное алиби, и всего делов. И даже забытая дома зарядка для телефона играла ему на руку. Женька страшно оживилась. Она просто-таки загорелась идеей вывести вруна на чистую воду, разоблачить мерзавца в глазах общественности, отчего-то решив, что Вике такой финал истории поможет справиться с болью потери. А чего горевать о потере подлеца, лгуна и мерзавца? Туда ему и дорога!

И, не откладывая дела в долгий ящик, Женька с утра пораньше взялась за дело засучив рукава.

Заместитель покойного Кайданова Константин Юрьевич Баранец предпочел беседовать с Женей в одной из комнат для приема посетителей, находящейся вне зоны строгого пропускного режима. Как Женька ни выплясывала, как ни настаивала, как ни хитрила, выписать ей пропуск в НИИ Баранец отказался. Вежливо, но твердо.

– Добрый день, Евгения Викторовна, как жется? – любезно улыбаясь, протянул Жене руку Баранец, облаченный, как и положено ученому, в белый халат.

– Совершенно верно, – поднялась ему навстречу Женя.

– Признаться, я не совсем понял причину вашего визита, не могли бы вы еще раз объяснить, чем обязан? – присаживаясь напротив Жени и по-деловому складывая перед собой на столе сцепленные в замок руки, спросил Константин Юрьевич.

Константину Юрьевичу на вид было не меньше сорока – сорока пяти. Роста он был высокого, сложения худощавого, лицо имел приятное, с крупным крючковатым носом и глубоко посаженными глазами. Темно-русые волосы, прямые и жидковатые, то и дело падали ему на

глаза, он их все время закидывал назад, хотя намного проще было бы просто подстричься. Но, вероятно, такое радикальное решение вопроса просто не приходило ему в голову.

– Я весь внимание, – поторопил Женю Баранец, одарив скупой улыбкой.

– Константин Юрьевич, я по просьбе Виктории Кайдановой расследую обстоятельства смерти ее мужа.

– А разве Олега Дмитриевича не сбила машина? – удивился заместитель.

– Сбила, – кивнула Женя. – А вы не знаете, что он делал в половине шестого вечера в будний день на трассе в Курортном районе? – как бы между прочим спросила Женя.

– Понятия не имею. Он же взял неделю за свой счет и на работе в тот день не был, – как нечто само собой разумеющееся пояснил Константин Юрьевич.

– А когда он взял этот отпуск и зачем? – поздравляя себя с поразительной проницательностью, спросила Женя.

– Накануне, насколько я знаю, – в очередной раз поправил падающие на глаза волосы Баранец. – Он же не у меня отпрашивался, а у Генриха Яковлевича.

– У кого? – уточнила еще не знакомая с сотрудниками института Женя.

– У директора института, – дернув себя нервно за нос, пояснил Баранец. – У нас сейчас идет ответственнейшая серия опытов, сроки поджимают, заказчики давят, а Олег Дмитриевич вдруг ни с того ни с сего срывается неизвестно куда и зачем. И что прикажете делать? А теперь и вовсе умер! – Обвиняющим тоном проговорил Константин Юрьевич.

– Ну, уж думаю, его вины здесь нет, – выразительно приподняв брови, заметила Женя.

– Да? А зачем его понесло в этот Курортный район? Сидел бы на работе, руководил лабораторией, и он был бы жив, и нам проблем меньше! – нервно воскликнул Константин Юрьевич, но тут же спохватился и смущенно заерзал от неловкости. – Извините. У нас с результатами не все ладится. Сложнейшие исследования, нужны новые нестандартные ходы и идеи. А я, знаете ли, гениальностью не отличаюсь. Это у нас Олег Дмитриевич был мастером находить нестандартные решения. Я простой доктор наук, способный администратор, надежный, исполнительный и в меру амбициозный. Мне такой проект не вытянуть, да я и не обещал! – кипятился Баранец. – Какой смысл на меня давить! Нашли козла отпущения! Я им сразу сказал, ищите замену Кайданову, я не справлюсь. Ничего, ничего, работайте в обычном режиме, продолжайте работу согласно плану. А если план не работает?

Женя с интересом слушала жалобы бедолаги, стремясь разобраться в том, что сейчас происходит в НИИ.

– А почему он не работает? – робко спросила Женя, видя, что Баранец погрузился в собственные мысли и продолжать вроде бы не собирается.

– Почему? Да потому, что мы, знаете ли, не аспирин с активированным углем синтезируем, а современный лекарственный препарат, сложнейшее соединение, которое, между прочим, еще и работать должно, – обиженно встрепенулся Константин Юрьевич.

– А он не работает? – сочувственно спросила Женя.

Баранец вытаращился на нее, как на законченную дуру.

– А вы, простите, кто по специальности? Юрист или, как это называется, полицейский? – с сомнением произнес последнее слово Константин Юрьевич.

– Я журналист, филолог и в химии и фармакологии практически ничего не смылю. Даже аспирин не синтезирую, – покачалась Женя.

– М-м. А зачем вы в полицию пошли, если вы филолог? – не пойми к чему спросил Баранец, дергая крючковатый нос. Видимо, у него выработалось что-то вроде нервного тика.

– Я не работаю в полиции, я работаю на телевидении, веду журналистские расследования, – максимально четко, почти по слогам повторила Женя то, что уже объясняла по телефону.

– И как, справляетесь? – с искренним интересом спросил странноватый Константин Юрьевич.

– Весьма успешно, – несколько высокомерно ответила Женя.

– А я вот – нет, – сверкнув своими глубоко посаженными глазами, с горечью произнес Константин Юрьевич.

– То есть без Кайданова у вас все встало? – уточнила Женя.

– Абсолютно и безнадежно. Если на его место не найдут ученого такого же масштаба, в чем я крупно сомневаюсь, проект умрет, – уверенно заявил Баранец.

– А кому в таком случае понадобилось его травить, заводить на него дело в прокуратуре?

– Травить? Дело в прокуратуре? – вытаращился на нее Константин Юрьевич. – Откуда у вас такая дикая информация? Да с ним тут носились, как с писаной торбой! Ему со временем нобелевское лауреатство сулили! На него гранды правительство выделяло! Да он был главной движущей силой нашей богадельни! – горячо объяснял Константин Юрьевич, исполненный противоречивых чувств. – Конечно, этот старый маразматик Чурбаков, фамилия какая, оцените! Без боя свой пост зама по науке не отдал бы, но всем было ясно, что в самое ближайшее время Олега Дмитриевича ждало значительное повышение. Прошлые заслуги – дело уважаемое, но любому организму необходимо развитие, и будущее нашего НИИ было безусловно и неразрывно связано с Кайдановым.

– То есть этот самый Чурбаков досиживал последние дни на высоком посту, знал об этом и знал, кто именно на его пост метит?

– Ну, естественно, – пожал плечами Баранец. – Об этом даже последняя лаборантка в институте знала.

– А что стало бы с Чурбаковым после назначения Кайданова? – с интересом продолжала мусолить тему Женя.

– Да ничего. Отправили бы с почестями на пенсию, – без всякого интереса проговорил Константин Юрьевич.

– Гм, – многозначительно произнесла Женя и поспешила задать другой возникший у нее вопрос: – А вот вы сказали про лаборанток. А вы не знаете, были ли у вашего покойного шефа романтические отношения с кем-нибудь из сотрудниц?

– На что вы намекаете? – нахмурился неодобрительно Константин Юрьевич.

– Я спрашиваю, не было ли у Олега Кайданова романа на работе или не на работе? Одним словом, была у него любовница или нет? – прямо, без обиняков спросила Женя.

– Что за ерунда? Не было, – категорически опроверг такое предположение Баранец, в очередной раз подергав себя за нос.

– А с чего вы так уверены? – решила подразнить его Женя, поняв, что в состоянии нервного возбуждения он становится разговорчив и даже болтлив.

– А вы видели когда-нибудь Ангелину Шапорезову?

– Нет. А кто это? – заинтересовалась Женя.

– Наша лаборантка. Я вам сейчас покажу, – кивнул успокаивающе Жене Баранец и полез за телефоном. – Вот смотрите. Это мы недавно праздновали день рождения одной нашей сотрудницы. Вот эта блондинка – Ангелина. – И он выделил и увеличил на групповом фото и без того заметную девушку. Надо сказать, на сделанном Константином Юрьевичем фото центральной фигурой была явно она, а не именинница.

Женя присмотрелась. Она никогда прежде не встречала человека, которому имя Ангелина – «Ангельская» – подходило бы больше, чем Ангелине Шапорезовой. Девушка была высокой, стройной, с тонкой талией, пышным бюстом, длинными, очень красивыми ногами, которые она всячески подчеркивала длиной юбок и обувью на высоком каблучке. У нее были огромные, широко распахнутые голубые глаза, пухлые губки бантиком и ровненький аккуратный носик, а еще копна длинных густых белокурых волос, которые пышным нимбом окружали ее фигуру.

– Она живая, настоящая? – ляпнула непроизвольно Женя, уж больно неестественно-картинной красотой отличалась девица. Этаким слащавый гламур, рождественская открытка, фантазия романтической натуры.

– Еще какая! – усмехнулся Баранец. – Это наша лаборантка. И вот представьте себе, она буквально прохода не давала Кайданову. И глазки строила, и в буфете к нему подсаживалась, и после работы поджидала, а тот хоть бы что! – с возмущением отметил Константин Юрьевич.

– Она что, так влюбилась? – с интересом спросила Женя.

– Он был молод, хорош собой, а главное – невероятно перспективен! – глядя на Женю, как на наивную малышку, пояснил Баранец. – Я же говорил, ему прочили в недалеком будущем Нобелевскую премию.

– Ясно, – кивнула Женя. – И Кайданов отверг эту белокурую красавицу. А что она, нашла себе другой объект?

– Понятия не имею. Но Кайданова она последнее время избегала, даже, я бы сказал, невзлюбила.

– Гм, – многозначительно проговорила Женя.

«Еще бы, такая оплеуха по самолюбию. Небось привыкла, что все мужики на нее, как голодные, кидаются. Непонятно, как она вообще в таком заведении оказалась, ей место в ночных клубах, модельных агентствах и театральных институтах. А точнее, на шее у какого-нибудь богатого папика».

– А что ваша Ангелина делает в НИИ? – озвучила свои мысли Женя.

– Лаборанткой работает, я же говорил, – недоуменно пожал плечами Баранец, с сожалением убирая телефон в карман.

– С ее-то внешностью? И давно она у вас работает?

– Ну, около года. Может, чуть меньше, – скривил задумчиво губы Константин Юрьевич.

– Гм, – снова задумчиво проговорила Женя. Больше вопросов к Баранцу у нее не имелось.

Итак. НИИ в целом и ее директору Кайданов был необходим. Но его ненавидел и боялся зам по науке. А еще в НИИ имеется интересная девушка Ангелина, которая бегала за Кайдановым, правда, совершенно безуспешно. Как и зачем такая девушка могла оказаться в научном институте? Она очень любит науку и мечтает о карьере химика? Охотится за богатым мужем? Или ее туда подослали?

На Женином лице появилась гримаска самоуверенной проницательности. Надо бы взглянуть на это чудо природы. И, узнав в бюро пропусков, когда у сотрудников института заканчивается рабочий день, Женя с чистой совестью отправилась в редакцию с твердым намерением вернуться к концу рабочего дня и проследить за Ангелиной.

Глава 7

– Евгения! Где тебя носит! – шипел Жене на ухо озабоченный Трупп. – Стилист приехал и режиссер, сам Оглоедков! Представляешь!

– А зачем он приехал? – трепыхалась в цепких руках начальства Женя, очень хотелось к себе в редакцию, выпить кофе, порыться в Интернете, поискать информацию о Чурбакове и попробовать отыскать в соцсетях Ангелину.

– Снимать приехал. Они уже декорации смонтировали! – останавливаясь посередине коридора, уставился на нее Трупп.

– А почему со мной заранее не согласовали? – возмутилась Женя. – У меня, между прочим, свои планы, и вот так, с бухты-барахты, я сниматься не готова.

– Потапова, ты что, с ума сошла? – на этот раз в голосе Тенгиза Карповича сквозило недоверчивое возмущение. – Вчера я дал тебе экземпляр договора, где черным по белому были изложены все условия и график съемок. Ты что, его даже не открывала?

– Нет. – Женя почувствовала страстное желание ознакомиться с документом. – А есть еще один экземпляр? Ну, хотя бы ксерокопия?

– Некогда! Режиссер ждет. Дома вечером считаешь! – потащил ее дальше по коридору Трупп.

Съемка в рекламном ролике оказалась вовсе не такой, как Женя себе представляла. Точнее, совершенно не такой, как съемка программы. Женька, чувствующая себя корифеем телевидения и страстно желавшая поскорее освободиться и приступить к слежке за Ангелиной, все делала по-своему, никого не слушала и уже через час вдрызг разругалась с режиссером. Режиссер, ощущавший себя не меньшей звездой, чем какая-то оципанная журналистка, закатил истерику, закрылся в выделенной ему гримерке и, раздобыв где-то бутылку виски, принялся напиваться самым наглым и вызывающим образом, грозя сорвать весь график съемок.

Тенгиз Карпович нервничал, бегал между Женькой и режиссером, орал, уговаривал, грозил и, наконец, признав свое поражение, вызвал представителя спонсоров, тощего стручка с несварением желудка.

Стручок прибыл очень оперативно. Сперва побеседовал о чем-то с режиссером. После чего тот резко протрезвел, присмирел и вернулся на площадку. Далее была вызвана журналистка Потапова, которой был показан один коротенький пункт в договоре, после которого она так же смиренно и покладисто вернулась на площадку, очень быстро просчитав в уме, что неустойку такого размера выплатить не сможет никогда, даже если продаст все свое имущество, вплоть до нижнего белья.

Стручок также прошел на съемочную площадку, присел в темном уголке в кресло и незримой грозной тенью просидел так до конца съемок, которые, надо сказать, прошли в атмосфере рабочей собранности и деловитости. Встретить с работы Ангелину Женя сегодня не успела.

Наконец-то Потапова объявилась. Честно говоря, Вика уже решила, что журналистка отказалась от расследования. И вот неожиданный звонок.

– Чурбаков? А откуда вы его знаете? – Вика была искренне удивлена тем, что Потапова заинтересовалась замом по науке. Какое отношение может иметь к гибели Олега восьмидесятилетний академик? Но приученная в детстве не отвечать вопросом на вопрос, Вика быстро спохватилась и постаралась ответить Потаповой максимально развернуто.

– Аполлинарий Николаевич очень крупный ученый. Профессор, академик РАН, у него много наград, почетных званий, и он занимает должность зама по науке уже лет тридцать, а возможно, и больше, – морща от натуги лоб, рассказывала Виктория.

– Тридцать лет? Немало, – заметила Женя. – Сколько же ему самому?

– Около восьмидесяти. Но он еще бодр. Я видела его год назад на приеме, ни за что не дала бы ему больше семидесяти. А какое отношение он имеет к гибели Олега?

– Пока не знаю, просто собираю информацию, – уклончиво пояснила Женя. – А как он относился к вашему мужу?

– У них были сугубо деловые отношения. Олег пришел в институт уже состоявшимся ученым, с мировым именем. Его работы активно издавались за рубежом, и, мне кажется, Чурбаков немного ревновал Олега к его молодости, перспективам, ведь его собственные достижения были уже в далеком прошлом. Во всяком случае, так мне показалось из рассказов Олега. Но в целом конфликтов или разногласий у них не было.

– Ну а какие-то сплетни, слухи, хоть что-то? Что любит есть, пить, с кем дружит? – терпела пассивную Вику Евгения.

– Ну, это же просто разговоры, – как-то неохотно произнесла Вика.

Отчего-то ей не хотелось откровенничать с Женей. Это было странно. Ведь Женя расследовала смерть ее супруга. Но зачем ей вдруг понадобились сплетни о старом уважаемом ученом? Простая привычка журналиста совать везде нос? А если она потом обнаружит эти сплетни и доведет пожилого уважаемого человека до инфаркта? Вика не знала, забота о здоровье Чурбакова ею руководит или еще что-то, но рассказывать Жене ничего не собиралась.

– Знаете, Олег не любил обсуждать своих коллег, – сказала истинную правду Вика, все, что она знала, ей рассказала одна пожилая дама, сидящая с ней за столом на институтском банкете. – Он считал, что личная жизнь каждого его личное дело, а до сплетен он не опускался.

Женя была недовольна. Ей отчего-то показалось, что Виктория хитрит. Объяснить подобное поведение она не могла, да и не была уверена в своем мнении, но такое ощущение у нее было. Немного поразмыслив над разговором с Викторией, Женя все же пришла к выводу, что ей померещилось. Но где раздобыть информацию? Эх, жаль, нельзя проникнуть на территорию института и побеседовать с уборщицами, вахтершами и неудачливыми учеными мужами, обиженными на жизнь и более успешных коллег, в курилке.

Эта мысль так захватила Женю, что она незаметно для себя стала изыскивать способы проникнуть на вожаделенную территорию. Ничего, кроме обычного журналистского хода, ей в голову не пришло. Надо звонить директору института и уговаривать дать интервью для программы, рассказывающей о деятельности современных научных учреждений, направлениях их работы и развития. Банально, но действительно.

«Хотя намного лучше было бы устроиться туда на работу какой-нибудь лаборанткой. Но для этого нужна трудовая книжка, диплом и так далее», – с досадой размышляла Женя.

И тут ее осенило. Бабуля!

Анна Ивановна была уже на пенсии, большую часть года они с бабушкой проводили на своей даче под Белоостровом и только ближе к зиме возвращались в город. Но на дворе-то как раз было начало ноября, бабуля с дедулей уже вернулись, и бабуля, как обычно, хандрит, потому что терпеть не может конец года, темные ранние сумерки и промозглую сырость. У нее скачет давление, ломит кости, она становится раздражительной и плаксивой. Надо ее развлечь. А оживает бабуля только в коллективе.

Женя быстренько набрала сайт института и отыскала раздел вакансии. Как и следовало ожидать, уборщицы институту требовались. И Женя, предвкушая удовольствие от общения с бабушкой и грядущие дивиденды от ее трудоустройства, взялась за телефон.

Отработав с утра на съемках слабительного и попытавшись придать рекламируемому продукту максимально желанный и при этом, возможно, нейтральный вид, ни разу за день не поссорившись с режиссером и не вызвав недовольства безвылазно дежурившего на площадке стручкообразного спонсора, Женя с чистой совестью отправилась следить за Ангелиной.

Приехала Женя вовремя, через несколько минут после ее прибытия густой поток служащих выплеснулся из дверей института на улицу и потек в сторону перекрестка. Женя во все глаза следила за выходом.

К счастью, ее надежды оправдались. Ангелина Шапорезова обладала настолько яркой и роскошной внешностью, что Женя узнала ее мгновенно. Девушка была облачена в белое броское пальто, выгодно оголявшее ее колени, шикарные волосы струились по плечам, обутые в высокие сапожки на каблуке стройные ноги уверенно цокали по асфальту. Женя дождалась, когда Ангелина проследует мимо стоянки, и, закрыв машину, двинулась следом за девушкой. При ближайшем рассмотрении внешность ангельской барышни оказалась не так свежа и юна, как это показалось Жене на фото, предоставленном Баранцом. Ангелине было как минимум двадцать три, и глаза ее выдавали особу искусственную. Впрочем, в глазах большинства мужчин этот факт, возможно, считался не пороком, а достоинством, добавляя девушке перчинки.

Отбившись от основного стада сотрудников НИИ, направлявшихся к метро, Ангелина перешла проспект, свернула в боковую улочку, оттуда в переулок, затем девушка легко спорхнула с тротуара, пикнула сигнализация ярко-красного «БМВ купе 220i», загрузилась в машину и была такова. Женя только и успела, что щелкнуть пару раз машину на свой айфон, так, чтобы номер зафиксировать.

Ай да Ангелина, ай да лаборанточка! Интересно, сколько же у нас среднетехнический персонал в НИИ зарабатывает, чтобы на таких тачках разъезжать? Нет, не зря она проследила за девицей. Откуда у барышни такая машина? Подарок родителей? Возможно. Но с каких пор детки столь состоятельных родителей работают рядовыми лаборантками в закрытых НИИ? Или девочка с детства обожает химию? Этот вопрос можно выяснить, позвонив Баранцу. А если это подарок не родителей, а поклонника, то неужели девушка, принимающая такие подарки, не могла устроиться на работу в более привлекательное, доходное и необременительное место? Фитнес-клуб, салон красоты, бутик, на ресепшен в престижную компанию, в модельное агентство или куда-то еще в том же роде. Если, конечно, она не влюблена в химию.

– Константин Юрьевич, добрый вечер, Евгения Потапова беспокоит. Вы не подскажете, Ангелина Шапорезова хороший специалист и что она оканчивала?

– Ангелина? Специалист? – попытался осмыслить суть заданного вопроса Баранец. – А зачем вам это? – наконец спросил он удивленно.

– Так, для общего развития, – отмахнулась Женя. – Так хороший она специалист или нет?

– Сомневаюсь, что девушка с такой внешностью может быть хорошим специалистом. Но с работой своей она справляется, и неплохо. Что она окончила, понятия не имею. Обратитесь в отдел кадров, – категоричным и даже несколько сердитым голосом посоветовал Константин Юрьевич, окончательно укрепив Женю во мнении, что неравнодушен к чарам белокурой красоти.

– А после смерти Кайданова ее рабочее рвение не угасло? – поинтересовалась Женя, рискуя навлечь на себя гнев рыцарственного химика, ибо его симпатия к барышне носила именно такой характер.

– Вас интересует, как Ангелина переживает смерть шефа? Да, представьте себе, возможно, она скорбит более других. Но это ей делает скорее честь! – горячо заявил впечатлительный Константин Юрьевич, наверняка еще и нос свой издергал. Вообще, на Женин взгляд, ему не помешало бы пропить курс «Пустырника» или еще чего-нибудь успокаивающего.

Ситуация с Ангелиной после беседы с Баранцом не прояснилась. Законченной бездарью она, похоже, не была, хотя звезд с неба тоже не хватало. Придется ждать информацию от бабушки.

– Женечка, все в порядке, – в бабушкином голосе явственно слышались довольство и лукавое веселье. Дедушка рассказывал Жене, что в молодости Аня была законченной авантюристкой, хохотушкой и вообще легкомысленной особой. И хотя работала она воспитатель-

ницей в детском саду, ни строгостью, ни серьезностью никогда не отличалась. Дети ее обожали, а она их, и, когда Анна Ивановна играла с ребятишками на площадке, неизвестно, кому было веселее, ей или воспитанникам.

– Завтра выхожу на работу. С коллегами уже познакомилась, думаю, что за сплетнями дело не станет. Галина Степановна в институте уже лет двадцать работает, она и в лабораториях, и в кабинете директора, и в кадрах убиралась, а Зинаида Васильевна двадцать пять лет работает, так она вообще старейшим сотрудником считается. По возрасту я имею в виду. Ей почти восемьдесят, а держится молодцом! Людмила Петровна, – воодушевленно рассказывала бабуля, – та до пенсии в бухгалтерии трудилась, а уже потом, когда пенсии не хватать стало, вернулась в НИИ уборщицей. Все, говорит, родные стены. Так что завтра вечером жди звонка.

«Скорее бы уже эти противные съемки закончились», – ворчала Женя, выходя с утра пораньше из дома. Встаешь ни свет ни заря, вон, даже не рассвело еще, погода жуткая, настроение еще хуже, а ты вставай и тащись на работу. Для расследования времени совсем не остается, вот приходится до работы по делам мотаться. Женька, хмурая, замотанная в шарф по самые глаза, нахохлившаяся, как воробей, загрузилась в машину и порулила в знакомый полицейский участок.

– Петр Леонидович, пробейте для меня, чья это машина, – кивнув вместо приветствия, жалобно попросила Женька, усаживаясь возле майорского стола.

– Ты чего такая кислая? – заботливо спросил майор, вглядываясь в доступную обозрению часть Женькиного лица.

– Не выспалась, устала, замерзла, позавтракать не успела, – сумбурно вывалила майору все свои горести Женька.

Майор не стал ее корить за леность и избалованность и насмехаться тоже не стал, чем в очередной раз поразил свою гостью. А вместо этого включил чайник, достал банку растворимого кофе и железную коробку из-под датского печенья с сухарями и сушками.

– Сейчас мы тебя согреем и оживим, – подмигнул он Женьке и по привычке запустил руку в неряшливую, пегую от проступающей седины шевелюру. Но ничего не вышло.

– Ой, Петр Леонидович, да вы подстриглись никак? – искренне удивилась Женя. – За что это вас так? Ведь, наверное, с непривычки голова мерзнет? – съязвила в ответ на майорские ухаживания неблагодарная Женька.

Петр Леонидович тут же надулся.

– Вот что ты за человек, Потапова? Я к тебе всей душой, а тебе лишь бы наплевать в нее. В душу, – обиженно запыхтел майор, приглаживая смешной, непривычный ежик.

Женьке стало стыдно за свое бессмысленное ехидство, она покраснела, размотала шарф и, изображая всем своим видом раскаяние, извинилась.

– Это я от недосыпа, – сложила бровки домиком Женя. – А вообще вам идет. Свежо и как-то молодо, – постаралась отыскать в новой прическе майора положительные моменты Женька. На самом деле стрижка ему совершенно не шла. Голова выглядела какой-то шишковатой и несимметричной, а еще в тех местах, где у майора пучками росли седые пряди, казалось, что вместо волос остались проплешины. Ужас, да и только. Но эти мысли Женька мужественно решила оставить при себе.

– Правда, ничего? – с сомнением спросил Суровцев, поглаживая непривычно ошетилившуюся макушку. – Татьяна меня вчера в парикмахерскую затащила. Хватит, говорит, как дикобраз, ходить. Для твоего звания неприлично. А я никак привыкнуть не могу, – печально вздохнул майор.

– Ничего, – успокоила майора засмотревшаяся на его прическу Женька. – До эфира обрстет.

Взгляд, которым уставился на нее майор Суровцев, безошибочно сообщил Женьке, какого маху она дала.

– Чего тебе узнать надо было? Давай быстрее, у меня сегодня люди, – снова наполняясь обидой, проговорил майор. Жене даже показалось, что он хочет отнять у нее кружку с кофе.

– Вот, машина принадлежит Ангелине Викторовне Барсуковой, тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года рождения, место рождения Петербург.

– Какого года? – забыв о манерах, перебила майора Женя полным недоверия голосом.

– Восемьдесят восьмого.

– Так ей уже двадцать шесть! – с непонятым самодовольством воскликнула Женя. Чем ее так порадовала эта информация, она и сама не могла объяснить.

– Наверное, – не разделил ее счастья Суровцев. – Проживает: проспект Тореза, дом 3, квартира 2. Не замужем. Все?

– Все? А что она окончила, родственники, связи? – разочарованно протянула Женя.

– А справку о прививках тебе не раздобыть? – буркнул все еще обиженный майор, демонстративно закрывая программу.

– Ну, вот. А я, между прочим, пришла вас на день рождения пригласить, – сообразила вдруг Женька, как половчее помириться с майором. – В субботу в девятнадцать, только вот с рестораном я еще не определилась. Но как только решу в каком, сразу же позвоню.

Лицо Суровцева заметно потеплело.

На этот раз Женя поступила хитрее, продумав все заранее. Она заехала в знакомый переулочек и удостоверилась в том, что «БМВ» на месте. Припарковала свою машину поблизости и пешком отправилась к НИИ встречать Ангелину.

Маршрут следования повторился в точности. Девица шла одна, постаравшись отделаться от возможных провожатых, а таковые, надо отметить, были. В прошлый раз Женя просто не обратила на них внимания.

Во-первых, какой-то юнец с рюкзаком за плечами, но этого Ангелина спровадила быстро. Потом Константин Юрьевич Баранец собственной персоной, но и этот был отправлен восвояси, скромно и технично. Затем появился щеголеватый хлыщ, довольно потасканный, лет сорока пяти, демонстративно поигрывающий ключами от машины. Но и обладатель «Форда Фокуса» остался ни с чем. Далее девушку нагнал пузатый важный тип лет шестидесяти. Поздоровался, по-отечески пожурил и, лениво кивнув в сторону «Тойоты Камри», вынужден был отбыть с выражением недоумения и легкого разочарования на лице.

«Ай да Ангелина. Кажется, ей удалось окучить всю возрастную и властную вертикаль института», – размышляла Женя, продолжая слезку.

Ангелина снова ненадолго заглянула в магазин, на этот раз канцелярский, после чего двинулась к машине. Женя была тут как тут. Перед поворотом в переулочек она обогнала барышню и первой добралась до машины.

Ехали они далеко и долго и вовсе не на улицу Мориса Тореза. Сперва они выехали на ЗСД, потом на Кольцевую, а потом свернули в районе Парнаса и далее к торговому комплексу «Гранд Каньон». Пока они доехали до этого места, на улице окончательно стемнело, пошел снег с дождем, а Женькин живот запел тоскливую голодную песню. Неужели они перлись в такую даль ради банального шопинга? Разочарованию Жени не было предела. Ну, да наплевать. Здесь наверняка можно где-нибудь перекусить, только вот сперва стоит все же убедиться, что Ангелина прибыла сюда исключительно ради магазинов.

Белоснежное, явно не подходящее по сезону пальтишко уже маячило на одном из ползущих наверх эскалаторов. Женя отправилась следом, не забывая стрелять глазами по сторонам. Вон кафе с пирожными в витрине, вон еще одно, отмечала Женя, пытаясь разглядеть ассортимент, и так увлеклась процессом, что едва не слетела с движущегося эскалатора вперед носом. Спасибо, гражданка какая-то поддержала.

Ангелина, тем временем добравшись до самого верхнего этажа, уверенной походкой двигалась в сторону развлекательной части комплекса.

«Может, у нее здесь свидание? Поход в кино?» – размышляла Женя, мечтая уже поскорее выяснить цель их с Ангелиной столь дальней поездки.

Девица свернула в ресторан. Тут в Жене здоровый, голодный, молодой организм одержал безоговорочную победу над опытным сыщиком, и она, больше ни о чем не думая, кроме горячей пищи, следом за объектом вломилась в пустой полутемный зал ресторанички.

Только сделав заказ и настоятельно посоветовав официанту поторопиться, Женя смогла осмотреться. В зале было практически пусто, а ведь в соседних заведениях, Женя это запомнила совершенно отчетливо, сидело множество посетителей. Значит, здесь либо готовят невкусно, либо цены зашкаливают. Последнее Женю более не волновало, а вот отравиться не хотелось.

Женя прищурила глаза и всмотрелась в немногочисленных посетителей. Возле витринного окна неспешно ужинал упитанный субъект с дорогими часами на запястье. Значит, все-таки дорого. В дальнем углу ресторана сидели Ангелина с незнакомцем. Больше в зале никого не было. Вот тут Женя страшно пожалела, что так бездумно выбрала себе место. Видно парочку плохо, слышно еще хуже. А точнее, не слышно вовсе.

Женя завертелась, засуетилась и, наконец вскочив с места, громко и раздраженно заявила:

– Что это за забегаловка такая? Стулья все липкие, темнотища такая, что вилку на столе не найдешь!

Толстый мужик с интересом и одобрением взглянул на Женю. Те двое тоже. Но, поняв, что важного ничего не случилось, а шумит просто капризная истеричка, снова вернулись к прерванной беседе. А Женя отправилась в путешествие по залу. Она подходила то к одному, то к другому столику, придирчиво осматривала скатерти, стулья, проверяла, не шатаются ли столы, и наконец уселась всего через столик от интересующей ее пары. Сидеть ближе было опасно. К тому же пришлось сесть спиной.

Теперь Женька вся обратилась в слух. Даже глаза закрыла.

– Сколько мне там еще сидеть? – слышался недовольный голос Ангелины. – Кайданов умер, работа встала, вряд ли они смогут найти ему замену так быстро, чтобы спасти проект. Я сама слышала, как Ремизов орал на Баранца, что, если в ближайшее время дело с мертвой точки не сдвинется, они контракт потеряют, а заодно и репутацию.

– Ты, девочка, не пыли. Будешь сидеть там сколько велено. Дело ты завалила, с главным заданием не справилась, так что, если хочешь получить денежки согласно контракту, продолжай работать, – послышался голос ее собеседника. Звучало его распоряжение несколько хамовато, но Ангелина замечаний типу делать не стала, наоборот, принялась оправдываться.

– Я все отработала согласно досье. И кудри эти идиотские, и наивный вид, и скромная заботливость. На меня в НИИ все клюнули – от вахтера до директора, кроме покойника, – сердито проворчала Ангелина.

– Между прочим, в том, что он стал покойником, тоже есть доля твоей вины. Если бы ты сделала все, как было велено, возможно, он остался бы жив, – бросил ей очередное обвинение собеседник.

– Не надо валить на меня собственные промахи. Если бы досье было составлено точно, я бы не ошиблась. И потом, все материалы по разработке препарата я вам достала, последние опыты сорваны, – решительно и зло возразила Ангелина. – Так что не надо сваливать на меня собственные ошибки, лучше бы вовремя проверили, вдруг Кайданов был импотентом. Короче, сколько мне еще там сидеть?

– Я сказал, сколько нужно.

– Мои услуги стоят недешево, и, если я должна там сидеть, придется обсудить премиальные, – тихо, веским тоном заметила Ангелина.

Тут появился официант и с извинениями за липкие стулья и ожидание расставил перед Женей тарелки. Женя торопливо покивала, стремясь поскорее избавиться от его назойливой услужливости. Едва он наконец-то отчалил, Женя снова обратилась вслух.

– Я позвоню, – услышала Женя. – Больше никаких акций, просто наблюдай.

А затем тип покинул ресторан, и Женя в этот момент очень пожалела, что не ограничила свой заказ простым бокалом вина. Проследить за незнакомцем жутко хотелось. И Жене снова пришлось тряхнуть стариной. Она завизжала, выскочила из-за стола, свернув на пол тарелку, и с визгом «таракан» схватила свою сумку и прижала к груди. На ее визг сбежался весь немногочисленный персонал ресторана.

– Да что это за забегаловка такая? – истерично вопила Женя, несясь к выходу. – Грязь, заказ по два часа ждешь, так еще и тараканы по тарелкам бегают! Сами ешьте свои отбивные! А я на вас жалобу в санэпидемстанцию накатаю и в Союз защиты потребителей! – С этими словами голодная Женька выскочила в ярко освещенную галерею и помчалась к эскалаторам. Собеседник Ангелины неторопливо спускался вниз, лениво рассматривая окрестные магазины.

– Ты что, Михална, совсем с ума сошла? Почему ты тарелки не проверила? – шипел на повариху официант, прибежавший на кухню с остатками Женькиного ужина. – Я тебе сколько раз говорил, вытрави тараканов! И так посетителей три калеки в день, так еще ты со своими прусаками!

– А что я? Хозяину скажи! – пыхтела толстая неряшливая повариха. – Я сама ему сколько раз говорила, что пора закрываться и тараканов травить. Так ему все бабок жалко: «Ничего, и так пожрут, не баре!»

И оба они утавилились в тарелку, словно надеясь обнаружить там сбежавшего таракана.

Глава 8

– Ну, стерва, попалась? – Вынырнув из-за припаркованного джипа, незнакомец схватил Женю за горло и прижал спиной к бетонному столбу.

Они находились в самом дальнем углу подземного паркинга. Здесь было сыро, сумрачно и тихо.

– Вы что? С ума сошли? – испуганно прохрипела Женя. Еще ни разу за год своей следовательской деятельности Женя не попадала в подобные ситуации.

– Ну, колись, дорогуша, кто послал? Что надо? – Женя с ужасом смотрела на схватившего ее типа. Она так испугалась, что даже не сразу узнала собеседника Ангелины. В ресторане она его практически не рассмотрела и теперь, как замороженная, не сводила глаз с круглого лица, заросшего рыжевато-золотистой щетиной, с маленьких глазок, окруженных такими же, как щетина, невыразительными ресницами. Маленький, почти безгубый рот был плотно сжат и слегка перекошен то ли в злорадной усмешке, то ли в приступе злобы.

– Никто меня не посылал, я к своей машине шла, – пропищала Женя, тут же поняв, что сморозила непоправимую глупость.

– Ну, давай. Где твоя тачка? – мгновенно оправдал Женины ожидания тип, кивая на припаркованные поблизости машины, среди которых, разумеется, не было Жениной. – Ну, – поторопил он насмешливым голосом, заведомо зная, что ответить ей нечего. – Кто послал? – повторил он, и вся смешливость исчезла с его лица как по мановению ока.

И тут из-за колонны появилась Ангелина.

– Еще один твой прокол! – тряхнул Женю тип, словно меховую шкурку, чтобы покупателю было лучше видно густоту и окраску меха.

– А может, твой? – огрызнулась Ангелина, пристально рассматривая Женю.

«Хоть бы не узнала! – молилась в душе журналистка. – Хоть бы она меня не узнала. Или лучше чтобы узнала?» – тут же спохватилась она.

– Отпустите меня, – попросила вдруг Женя вполне нормальным голосом. – Не из-за чего так дергаться.

Рыжий с удивлением взглянул на свою добычу.

– Отпусти, говорю. Синяки потом останутся, придется в свитере с горлом ходить, а у меня день рождения скоро, – буркнула Женю, окончательно расслабляясь.

Тип недоверчиво осмотрел ее, но хватку разжал.

– Ну, слушаю, – бросил он грозно, не сводя с Жени прозрачно-серых глаз.

– Я за ней следила. – Женя кивнула на Ангелину.

– Я ж говорил! – хлопнул себя по ляжке тип и бросил на Ангелину многообещающий недобрый взгляд.

– Меня жена Ремизова послала, Наталья Семеновна. Ей кто-то настучал, что у мужа роман с лаборанткой, – еще раз, кивнув в сторону Ангелины, объяснила Женя несколько развязным, недовольным тоном. – Вот она и велела выяснить, что за девица и как далеко все зашло.

Тип бросил быстрый вопросительный взгляд на свою знакомую, потом снова посмотрел на Женю. И Женю поняла, что шанс выбраться из гаража живой у нее все-таки есть.

– Что за Ремизов? – тем не менее спросил у нее рыжий. Лет ему на вид было около сорока, теперь Женю смогла спокойно его разглядеть и постаралась получше запомнить.

Среднего роста, плотный, коротко стриженный, почти бритый, оттопыренные уши, правое вздернуто. Крепкая шея, а вот ручки маленькие, с толстыми короткими пальцами, зато сильные и прокачанные, это Женя успела хорошо прочувствовать.

– Ну? – поторопил ее тип.

– Директор их института. – Женька снова кивнула в сторону Ангелины. Теперь она стояла, засунув руки в карманы джинсов, и пыталась нащупать мобильник. А в идеале позвонить Суровцеву и каким-то образом вызвать его на помощь.

Тип между тем снова вопросительно взглянул на Ангелину. Теперь та уже заметно кивнула.

– Кто ей настучал? – не успокоился на этом рыжий.

– Не знаю, не представились, – пожала плечами Женька. – Доброжелатели, наверное. – И она коротко хихикнула.

– А ты кто? – снова внимательно взглянул на нее рыжий.

Врать смысла не имело, в сумочке лежали документы, так что пришлось разыгрывать имеющиеся карты.

– Знакомая, – небрежно бросила Женя, но, поймав угрожающий взгляд, словно нехотя продолжила: – Журналистка я. Мне предложили подхалтурить, я согласилась. Людям – польза, мне – бабки. Да и дело-то левое. Это вам не за звездами гоняться или депутатами.

Кажется, тип ей поверил. Во всяком случае, теперь и он засунул руки в карманы кожаной короткой куртки и отступил от Жени почти на шаг.

– Покажи, что нафоткала? – велел он.

К счастью, Женя действительно сделала несколько кадров, на каждом из которых Ангелина по очереди беседовала со своими поклонниками. Женька покорно достала айфон и показала снимки. Но рыжий этим не удовлетворился. Он просмотрел все кадры, открыл телефонную книгу и тщательно ее проштудировал. На Женькин жалкий протест внимания никакого не обратил. Только легонько оттолкнул, когда она сунулась за телефоном. Изучив все содержимое телефона и ничего подозрительного не обнаружив, он после минутного раздумья вернул его Женьке.

– Ладно, мышь. Считай, повезло. Можешь валить отсюда. За ней, – рыжий кивнул на стоящую молча Ангелину, – чтобы больше не таскалась, а то ноги повырываю. Ясно? – грозно спросил он на прощанье, отступая еще на шаг от Женьки.

Ангелина так ни слова и не проронила, хотя все это время была тут же и внимательно наблюдала за происходящим.

Женька пожала плечами, спрятала айфон. И бросив на прощанье «очень надо», потопала к своей машине. История произвела на нее тяжелое впечатление. Домой ехать она побоялась.

Больше всего хотелось отправиться в родное отделение полиции под крыло майора Суровцева. Но это было бы слишком демонстративно и могло спугнуть компанию рыжего и Ангелины, а у Жени на их счет четких планов пока не выработалось. Уж слишком она была напугана. И она поехала в единственное место, где ей всегда были рады и где она могла чувствовать себя в относительной безопасности. К Платону.

Платон жил в новом доме, с консьержем и подземным паркингом, окруженном железной решеткой с коваными воротами, Жене казалось, что ее сегодняшние знакомцы туда не сунутся.

Платону она позвонила, едва отъехала от ТК «Гранд Каньон», и он, полный беспокойства, ожидал ее у ворот дома, вооруженный фонариком и гаечным ключом.

– Женечка, разве так можно? – мягко укорял ее Платон, помогая снять куртку в просторной, ярко освещенной прихожей. – Это же опасно, вот так, без всякой страховки, одной распутывать дело об убийстве. Ведь если было убийство, то есть и убийца, а может, и не один! А ты хрупкая, слабая девушка, что угодно может случиться! Мне даже представить себе страшно! А что будет с Виктором Павловичем и Татьяной Сергеевной? О них ты подумала?

Нет, о родителях Женя не подумала, потому что вообще не думала о подобном развитии событий. До сих пор все ее расследования были совершенно безопасны, для нее по крайней мере. Никто за ней не охотился, никто ей не угрожал. Хотя, надо признаться, несколько раз она была готова к подобному повороту событий, но бог миловал. И нате вам!

Женя зябко поежилась, вспомнив ощущения чужих сильных пальцев на своей шее.

– Ой! – спохватился Платон. – Я тут тебе нотации читаю, а тебя успокаивать надо. Пойдем в комнату, я закутаю тебя в плед, приготовлю чай с мятой, кажется, у меня где-то была коробка шоколадных конфет и коньяк. Пойдем скорее, – заботливо обняв Женю за плечи, Платон повел ее в комнату, железный засов на дверях он с лязгом задвинул.

Только от Платона можно было ожидать подобного трогательного благородства. Он ухаживал за ней уже около полугода, сделал ей предложение, стал своим человеком в семье, именно к нему обращалась Женя в случае любых затруднений, и вот теперь, когда она беззащитная, испуганная, слабая и податливая попросила позволения провести ночь в его квартире, он с истинно джентльменским великодушием постелил себе в гостиной на диване, устроив Женю в спальне, и ни словом, ни жестом не посягнул на ее девичью честь.

Женя лежала в постели, умиляясь его великодушию, и всерьез размышляла о том, что со дня на день ей исполнится двадцать семь лет, личная жизнь не устроена, а тут – Платон. Преданный, искренний, надежный, любящий, заботливый. Чего еще ей желать? Родители его обожают, и Валерка тоже, а уж он-то в людях разбирается. «Может, пора уже остепениться и стать взрослой женщиной, обзавестись семьей?» С этой мыслью она и заснула.

Проснулась Женька поздно. Платона дома уже не было. На столе был сервирован завтрак и лежала записка. Платон советовал ей на работу не ездить и никуда без него из дома не выходить, а, как проснется, срочно ему позвонить.

Но Женя звонить ему не спешила. Ей надо было подумать. Настало утро, она выспалась, отдохнула, вчерашний испуг прошел, и она могла спокойно подумать о вчерашнем происшествии. Во-первых, она вдруг вспомнила, что вчера, когда Суровцев диктовал ей данные Анжелины, фамилия у девушки была вовсе не Шапорезова, как представил ее Баранец. А Барсукова! Вот какая. Значит, в институт она устроилась под чужой фамилией или сменила фамилию в связи с замужеством. Может, рыжий – ее муж?

«Да нет», – тут же отмахнулась Женя. Он был работодателем.

Женя постаралась как можно подробнее вспомнить разговор Анжелины с рыжим и пришла к выводу. Ангелина была работником наемным и, кажется, недешевым и выполняла какой-то определенный заказ. Какой, догадаться несложно. Она воровала информацию, а после смерти Кайданова саботировала разработку препарата. Кому это понадобилось, тоже догадаться нетрудно. Одной из конкурирующих компаний.

Вопрос в другом, какое отношение эта парочка имеет к смерти Кайданова?

Рыжий сказал: если бы ты справилась с заданием, Кайданов мог и не погибнуть. Что это может значить? Если бы она соблазнила Кайданова, а совершенно очевидно, что именно для этого ее главным образом и наняли, и склонили его к сотрудничеству с конкурентами НИИ, то Олега Дмитриевича не пришлось бы убивать? Или, если бы Ангелина не засветилась, его не пришлось бы убивать? Или, если бы она сорвала раньше исследовательский процесс, его не пришлось бы убивать? Наиболее правдоподобной Жене представлялась первая версия. Она же самая интересная.

Другое дело, что теперь делать с этими версиями ей, Женьке? Ведь она уже засветилась. Теперь они будут следить за ней, а не она за ними. Наверняка эта парочка уже пробила ее и выяснила, что журналистка Евгения Потапова не мелкая сошка на побегушках у профессорских жен, а грозная сила. И теперь, возможно, ей угрожает определенная опасность.

Что делать в подобных ситуациях, Женя не знала и очень нуждалась в умном совете опытного человека. Таких было двое, Трупп и Суровцев. Поразмышляв недолго, Женя пришла к выводу, что Трупп ради сенсации легко пожертвует даже такой «звездой», как Женька, а вот Суровцев ее в обиду не даст, хотя и будет ворчать и ругаться.

Женька набрала Суровцева.

– Петр Леонидович, ну что вы молчите? – обиженно тормошила майора Женька.

Она уже минуты три, как закончила свой рассказ, а он, кроме как «Та-ак», и слова не сказал.

– Я не молчу, у меня душа кричит, – сухо ответил майор. – Просто кричит она матом. Вот скажи, Потапова, ну что ты за человек? Ну что тебя понесло за этим мужиком следить? Вообразила себя Шерлоком Холмсом? Комиссаром Мегре? А ты никогда не слышала, что слежка – это тоже искусство? Или ты думала на своих дилетантских фокусах проскочить? Артистка погорелого театра!

– Между прочим, все говорят, что у меня талант! – обиделась Женька. – Мне для поступления в театральные курсы одного бала не хватило.

– Лучше бы хватило, мне бы сейчас меньше мороки было, – вздохнул Суровцев. – Ладно, сиди где сидишь. Из дома не выходи, жди моего звонка. Ах да. Дверь еще никому не открывай, – посоветовал Суровцев и отключился.

Платону Женька так и не позвонила, потому как он ее опередил. Услышав, что Женя остается у него и никуда до его возвращения не уедет, он очень обрадовался и обещал вернуться домой пораньше. А Женька, закончив разговор, отправилась на кухню стряпать праздничный ужин, потому как потребность накормить мужчину была записана у нее на генетическом уровне. К тому же накануне закончились съемки «слабительного» клипа, и Женька могла отдыхать с чистой совестью.

– Женечка, детка, куда ты пропала? Я тебе полдня по-домашнему дозвониться не могу, – посетовала Жене бабуля.

– Бабуль, я же работаю, – бросая взгляд на часы, ответила Женя. – К тому еще только пять, а я раньше восьми редко возвращаюсь.

– Да? Ну ладно, – покладисто согласилась Анна Ивановна. – А я уже с работы! Хотела тебе прямо из института позвонить, да тебя не было.

– Бабуль, из института не нужно, опасно очень, – заволновалась Женя. – Тебя же подслушать могут.

– Ой, да кому я нужна? – легкомысленно отмахнулась Анна Ивановна. – В общем, слушай. Сперва директор. Надутый индюк, карьерист и интриган. Сам в науке не бельмес. Все в соавторстве. Но ушлы-ый! Такого на кривом повороте не объедешь, – samozабвенно делилась бабуля. – Потом этот твой Чурбаков. Тоже тот еще гусь. По молодости подавал большие надежды. И в науке успевал, и с карьерой был не промах, и еще что-то по комсомольской линии вроде даже успевал. Так что и профессор, и академик – все это заслуженно. Но со временем то ли талант иссяк, то ли возраст стал сказываться, а только все его звания стали больше почетными, чем действующими. Никаких свершений за последние двадцать лет за ним не числится. Некоторые поговаривают, что старик здорово отстал от жизни, никому проходу не дает, новые темы не открывает, потому что сам в них ни ухом ни рылом, – торопливо пересказывала собранные за день сведения Анна Ивановна. – А самое главное, пост он занимает весьма влиятельный, и благодаря этому в институте наметился кризис не только научный, но и финансовый, так что приход к ним Кайданова был просто спасением для НИИ. Директор за него зубами держался, говорят, он спал и видел, как бы Чурбакова на пенсию отправить, а Кайданова вместо него на повышение выдвинуть. Но Чурбаков хоть научный вес и подрастерял, в остальном, по части интриг и подковерных игр, еще и молодым фору даст, плюс характер у него склочный, самолюбивый, обидчивый и даже злопамятный.

– Интересно, – кивнула Женя, не понимая пока, какую пользу можно извлечь из бабушкиного рассказа.

– А вот и самое интересное, – напыщенным от гордости голосом произнесла Анна Ивановна.

– Еще интереснее? – поощрила ее подчеркнута нетерпеливым голосом Женя.

– Да. Давно, когда у нас еще за моралью и нравственностью в учреждениях следили, этот самый Чурбаков подставил своего коллегу, который метил тогда на одну с ним должность зав. лабораторией. Он подсунил ему свою лаборанточку. Особу симпатичную, легкого поведения, а коллега был женат. Жена была ревнива, об этом весь институт знал, коллега на удочку клюнул, закрутился роман, а тут кто-то возьми да жене-то и стукни. Жена от ревности тут же в местком, партком, к директору, скандал на весь НИИ, ни о каком повышении речи, конечно, идти уже не могло. Но самое главное, эта женщина, жена то есть, сама же в дураках и оказалась. Карьеру мужу она сгоряча разрушила, а тот от обиды и досады от нее к лаборантке и ушел. Правда, говорят, прожил недолго, полгода кажется, потом ушел, но все равно не к жене, а нашел себе другую женщину, работу поменял, сейчас большую должность занимает чуть ни в самой Академии наук. Вот!

– Да-а, – протянула уважительно разочарованная этой старой байкой Женя.

– А потом, уже когда перестройка началась, при институте СП открылось, ты, наверное, не помнишь, но это совместные с иностранцами предприятия так назывались, очень модно было. Чурбаков тут как тут был. И за границу ездил, и какие-то контракты заключал, и должность себе определил. А когда время прошло, стали выяснять, как там совместное предприятие работает, чем занимается. Выяснилось, что абсолютно ничем. В самом начале его деятельности НИИ по какой-то липовой программе передал иностранцам новейшие разработки и ни копейки за это не получил, вот и вся деятельность. А Чурбаков в это самое время себе двухэтажную дачу из кирпича выстроил. По чистому совпадению, – полная ядовитого сарказма, делилась честная пенсионерка Анна Ивановна. – Вот как! Стали проверку проводить этого СП, несколько человек уволили, а с Чурбакова как с гуся вода. Он, оказывается, лично, никаких бумажек, кроме поздравительных открыток, не подписывал. Тут на него один из бывших коллег страшно взелся и решил поквитаться, материалы какие-то собирал, доказательства, к директору ходил, а ничего хорошего из этого не вышло. Чурбакова в результате замом по науке назначили, потому что тогда у директора дочь институт оканчивала, и очень он хотел ее за границу отправить учиться, а Чурбаков тогда на химфаке по совместительству лекции читал и хорошо с деканом знаком был. Вот все и решилось.

– Понятно. Мужик неглупый, оборотистый и ловкий, – подвела черту Женя. – И с поста зама по науке уходить не хочет.

– Вот, вот, – согласилась бабуля.

– Да. Вопрос только в том, пошел бы он на такие радикальные меры, как убийство? Это вам не чужие семейные дразги разводиться. Тут дело подсудное.

– Правильно. Поэтому послушай, деточка, что я тебе скажу, – уже совсем другим тоном, тяжело вздохнув, проговорила Анна Ивановна. – Когда-то давно, еще в восьмидесятых, сотрудникам НИИ давали участки в садоводстве, многие до сих пор там дачи имеют, и особняк Чурбакова там же стоит. Место хорошее, от города недалеко, обжитое, сосновые боры рядом, до озера недалеко. У Людмилы Петровны тоже там дача, правда, маленькая, но аккуратная. У нее муж рукастый, все сам делает, – тихим, по-старчески неторопливым голосом рассказывала бабушка. – Участки у всех по шесть соток были, только домишко маленький построить и пару грядок разбить. А после перестройки некоторые стали у соседей участки выкупать, расширяться. Вот и Чурбаков, когда свой дворец строить задумал, решил своих соседей потеснить. Правда, первыми ему идею сами соседи подкинули, они уже старые стали, дача им была не нужна, а сын у них новым русским стал, он себе в Испании дом купил. Вот они и предложили. Но что такое двенадцать соток под большой дом? Он стал другим соседям предлагать участок выкупить и деньги даже хорошие давал. Но никто не соглашался. Не хотелось людям с насиженного места трогаться. Кому место нравилось, кто хлопот не хотел. В общем, не договорился. А один из соседей уже пожилой был, пенсионер, тоже институтский, одинокий, жена умерла, а дочь то ли в Риге, то ли в Нарве с мужем жила, приезжала редко. Может, раз в год.

Вот он к этому пенсионеру и пристал. Давай я тебе взамен дом ближе к дочери куплю или квартиру в Нарве. Тот ни в какую. А он на даче на этой чуть не до самой зимы жил, и вот уже в ноябре, кажется, когда поселок опустел совсем, пожар случился, и дедок этот сгорел вместе с домом. – Анна Ивановна сделала многозначительную паузу. – Потом дочь приехала на похороны, и Чурбаков участок у нее купил.

– Думаешь, это он человека живьем сжег? – недоверчиво спросила Женя, представив себе ученого мужа, пусть и не совсем безупречной репутации, подпирающим поленом входную дверь и подносящим спичку.

– Не знаю, Женечка, – таким же спокойным, тихим голосом ответила бабушка. – Людмила Петровна говорит, что он с пенсионером этим поругался очень незадолго до пожара и даже с криком и руганью из его дома выбежал. У Чурбакова к тому времени стройка уже полным ходом шла, и места на участке ему явно не хватало. Не знаю. В садоводстве разное говорили, хотя напрямую никто его не обвинял. А только дом этот очень вовремя сгорел. И с Чурбаковым соседи с тех пор стараются не ссориться, но и дружбы не водят. А в прошлом году он собачку одну задавил, маленькую. Эта собачка единственным близким существом была для подруги Людмила Петровны. У нее несколько лет назад муж и дочь беременная в аварии погибли, а зять, который за рулем сидел, выжил. Одна она осталась, с тоски собачку завела. Собачка была противная, конечно, писклявая, лаяла на всех, но никто не жаловался, очень ту женщину жалели. Никто, кроме Чурбакова. Он частенько орал, что ни покоя, ни отдыха от этого гавканья нет. А потом взял и задавил. Сказал, случайно, не заметил, как она под колеса кинулась. Так что сама решай, что он мог, а что нет, – закончила свой рассказ бабуля, а Женя серьезно задумалась.

– Ну а с лаборанткой этой Ангелиной, вот уж кому имя подходит, – уже совсем другим тоном продолжила бабуля, – все просто. Девчушка, конечно, миленькая, но ангел только с виду. Эта любого вокруг пальца обведет. Ласковая, нежная, а попробуй на нее покуситься, такие зубищи покажет, что без мясорубки в мелкий фарш кого хочешь перемелет. Мужики, конечно, идиоты, ходят за ней, слюной весь пол обкапали, причем все, от последнего м. н.с.⁴ до директора института, да только она их всех дразнить дразнит, а в руки не дается. Лиса!

– А что про нее и Кайданова говорят? – Успехи девушки Ангелины на фронте покорения мужчин Женя и сама лицезрела.

– Говорят, что она в него влюблена была. А Людмила Петровна с Галиной Степановой считают, что она его просто из семьи увести хотела. Еще бы, такая партия! Кайданов в институте не последним человеком был. Ему большое будущее прочили, и за границей его знали, он почетным академиком каких-то университетов был. Да только он на нее не клюнул. Умный, наверное, мужик был. Галина Степановна сама видела, как Ангелина вокруг Кайданова в столовой увивалась, а он вежливый такой, культурный, и не придерешься к нему, а дистанцию держит. Уж она чего только не делала, и пуговицы на халате расстегивала, и в кабинет к нему то и дело заскакивала, и у выхода из института поджидала, а все мимо, – с непонятной внутренней гордостью рассказывала Анна Ивановна, словно говорила не о чужом незнакомом человеке, а о собственном внуке. – Мужики, конечно, все пальцем у виска крутили, такой лакомый кусок сам в рот идет, а Кайданов рот раскрыть ленится. А женщины, наоборот, очень его за это уважали. А однажды, месяца три назад, даже собрание устроили неофициальное, и Ангелину туда вызвали и предупредили, если она Кайданова в покое не оставит, будет семью его разрушать, они будут требовать у руководства ее увольнения.

– Да? А она что? – заинтересовалась Женя.

– Да ничего. Посмеялась им в лицо и к себе на рабочее место пошла, – вынуждена была признаться Анна Ивановна. – В общем, Женечка, ты не волнуйся, я на посту.

⁴ М.н.с. – младший научный сотрудник.

Суровцев позвонил поздно, они с Платоном уже ужин доедали.

– В общем, так. Барсукова твоя никакая не Барсукова, а Редькина Александра Николаевна. Родилась она не в Петербурге, а в Челябинске, в наш город приехала учиться, окончила медучилище, потом поступила в педагогический университет на химфак. Но с третьего курса ушла, причем с какой-то темной историей. Вроде как ее оттуда попросили, но, в чем дело, никто точно не говорит, – рассказывал Суровцев, громко, бесстыдно чавкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.